

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА *).

1868-й годъ.

Какъ старый челоуѣкъ, я начну годъ ропотомъ,—ропотомъ на общую распущенность, на общее обѣдненіе, на усиливающуюся преступность. Оберъ-полиціймейстеръ Араповъ сказалъ мнѣ, что на 1 Января поднято безчувственно пьяныхъ 86 челоуѣкъ; въ Саратовѣ разстрѣляли Сергіевскаго и Богословскаго, порочность которыхъ достигла крайнихъ предѣловъ; въ Рязани захвачена почта, убиты почтальонъ и ящикъ, говорятъ, Рязанскимъ дворяниномъ Головинымъ. Носится слухъ, перешедшій уже и въ газеты, что въ одномъ изъ Петербургскихъ институтовъ воспитанница, за запрещеніе высокихъ шиньоновъ, задушила и заколола булавками пепиньерку, ошибочно принятую за начальницу института. А съ другой стороны, уравненіе смѣты прихода съ расходомъ, распространеніе желѣзныхъ путей, развитіе внѣшней торговли, движеніе публицистики и серьезной (переводной) литературы, 26 безценсурныхъ газетъ и журналовъ, изданіе 11-ти календарей (одинъ другого лучше), назначеніе Небольсина въ Государственный Совѣтъ за разработку *понижаемаго* тарифа, доказывающаго, не на одной Парижской выставкѣ, процвѣтаніе нашей промышленности, многочисленныя награды, аренды и пенсіи, удостовѣряющія усердіе администраціи, блестящій отчетъ оберъ-прокурора Синода, труды земства и водвореніе судебной реформы... Да. Но все какъ-то не вѣрится. Нѣтъ ни въ комъ увѣренности, не чувствуется благосостоянія, толчется въ сердцахъ опасеніе, въ умахъ сомнѣніе, боязнь въ

*) См. вторую книгу „Р. Архива“ сего года, стр. 343.

начинаніяхъ, лотерейная лихорадка надежды, случайности; невѣрность всякихъ расчетовъ, безденежье, нужда, дороговизна хлѣба, даже хлѣба. Тяжелый годъ!

Исторія нигилизма въ Россіи выразилась, какъ и слѣдовало ожидать, въ неразвитомъ, неустановившемся обществѣ, пренебреженіями къ закону, порядку и приличіямъ. Это ученіе не новое, это старое ученіе матеріалистовъ и атеистовъ, приложенное къ семейному и общественному быту. Прежде оно было болѣе индивидуально. Баронъ Фирксъ рассказываетъ эту исторію неправильно и съ Нѣмецкою затаенною злорадостью. Нигилизмъ пришелъ къ намъ чрезъ Польскихъ учителей въ женскихъ институтахъ и губернскихъ гимназіяхъ. Я знаю это чрезъ мою племянницу Земмеръ, отъ моего племянника Алексѣя Горбунова, отъ институтки Дебольцовой (въ 1862 г. въ Петербургѣ) и отъ почетнаго опекуна Ахлестышева, изслѣдовавшаго эту порчу въ Московскомъ институтѣ. Распространеніе зловредныхъ слуховъ и ученій есть догматъ Польскаго катихизиса. Для этого Польскія графини идутъ въ гувернантки и разливаютъ ядъ въ семейномъ быту.

Впрочемъ это явленіе не мѣстное и особенно не-русское, какъ сидится доказать баронъ Фирксъ. Это—„знаменіе вѣка“, унаслѣдованное отъ ученій XVIII столѣтія и его великой революціи. Атаназъ Кокренъ-сынъ такъ описываетъ въ 1864 году настроеніе общества или значительной его части. *Ne croyez rien, disent les uns: n'iez toute religion et Dieu lui-même; n'iez toute espérance d'une autre vie, l'âme et son immortalité et son existence même. C'est par la négation radicale, par la haine de toute autorité, qu'il faut se défendre contre les abus et les empiétements de l'autorité*“. Ainsi parle (продолжаетъ либеральный протестантскій исповѣдникъ) ainsi parle l'irreligion moderne; bien loin de s'arrêter où s'arrêta Voltaire, elle le méprise, parce qu'il croyait en Dieu; elle abaisse tout idéal moral, étouffe à dessein, même dans l'éducation des enfants (j'en pourrais citer des exemples) le sens religieux, et dès lors, avec l'anéantissement de tout ce qui est austère et élevé, coïncident le relâchement effréné des mœurs, la recherche effrontée de toutes les jouissances, l'impudent étalage des passions sensuelles. Notre époque semblait avoir adopter ce mot d'ordre honteux: le *sansgêne*; on n'en demeure plus là, on se moque de tout ce qui est beau, pure, noble, saint, poétique. On pratique, on enseigne le goût de l'ignoble, du laid, du vil, et l'on foule aux pieds, de parti pris, toute dignité; tant on s'efforce, en un mot, de rabaisser l'homme jusqu'à la brute. J'ai entendu naguère, dans un lieu public, des représentations turbulentes de la femme moderne nier Dieu avec forfanterie et fracas et interrompre grossièrement un discours où le mot de conscience avait été prononcé (non par un ministre

de la religion, mais par un libre penseur), en se disant l'un à l'autre: „La conscience? Sais tu ce que c'est? Pour moi, je ne l'ai jamais su!“

Коли это не нигилизмъ, наши нигилисты—несчастливая копія.

Неудовлетворяемая пытливость всегда сопровождается заблужденіями. И самое заблужденіе не есть-ли оно противорѣчіе привычекъ? Не путаюсь ли я самъ (о Руссо, о Вольтеръ, боги отцовъ нашихъ!) упрекая молодое поколѣніе въ превратности понятій и изыскивая источникъ зла въ неточности религіозныхъ убѣжденій, въ неточномъ понятіи ученій Христа, въ неестественности положенія современнаго общества?

Страшные морозы! Какъ перенесемъ мы этотъ „годъ холода и голода?“ Мерзнетъ народъ на возахъ, мерзнуть пьяные на улицахъ, мерзнетъ часовая въ будкѣ, мерзнутъ пассажиры въ вагонахъ. Неурожай во многихъ мѣстахъ грозитъ голодомъ. Безденежье продолжается. Преступленія усиливаются. Личная безопасность сомнительна. А гласность и свобода печати ковыряютъ раны, разглашаютъ страхи, раздражаютъ впечатлѣнія. Я опасуюсь шаекъ и народныхъ волненій. Конь разнузывается, сѣдокъ неопытный, поле широкое. Намъ спасаютъ нашъ суровый климатъ, рѣдкое населеніе и его невѣжество. Опившіеся и замершіе покойны. Но не покойны плательщики. Нужды настоятельны, недоимки огромныя, взысканія неудачныя. Становой ѣдетъ въ станъ съ револьверомъ въ Великихъ Лукахъ, поднимается все губернскае начальство на Данковскихъ ослушниковъ, а недоимка не взыскивается. Виновныхъ въ неповиновеніи предають суду, а присяжные ихъ оправдываютъ. Подати возвышены чрезмѣрно. Расточительность Петербурга непомерна. Мы въ неоплатныхъ долгахъ и живемъ въ долгъ.

Берлинскій Staats-Anzeiger *извиняется*, что дворъ изъ частныхъ шкатулокъ величествъ и высочествъ не можетъ отказаться отъ обычныхъ празднествъ, хотя тотъ же Staats-Anzeiger удостоверяетъ въ каждомъ № о дѣятельности обществъ и ферейновъ въ Пруссіи и во всей Германіи въ пользу жителей восточныхъ провинцій; а у насъ описаніе празднествъ по случаю браковъ Ольги и Евгеніи идетъ съ рядомъ извѣстій о голодѣ и жестокихъ холодахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи и о массахъ, умирающихъ отъ вина, и только въ видѣ фарса прибавляютъ газетчики, что великій князь Константинъ поить чаемъ извозчиковъ и раздавать имъ башлыки и что тоже дѣлаетъ и великій князь Николай. Собираются помогать дѣйствительно. Открываются подписки. Учреждается комитетъ, по примѣру Берлинскаго, подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника.

Приговоръ Петербургской Судебной Палаты 19 Января о г. г. „Вѣсти“; Скарятинъ и Юматовъ, порицая оправдательный приговоръ суда 25 Августа 1866 года о Жуковскомъ и Пыпинѣ („Вопросъ молодому

поколѣнію“ въ „Современникъ“), ставитъ судъ въ довольно неловкое положеніе (чтобы не сказать въ ложное) и произвелъ въ Московскихъ кружкахъ различныя впечатлѣнія. Либералы видятъ въ этомъ оправданіи реакцію или сближеніе высшаго правительства съ представителями началь, проповѣдываемыхъ „Вѣстью“. Консерваторы видятъ въ болтовнѣ барона Корфа (защитника Скарятина) посягательство на истину софизмами и фразіологіей. Я не вижу ни того, ни другаго. Молодое учрежденіе, не имѣя задатковъ прошедшаго, легонько пытается проложить путь, на которомъ бы вліяніе правительства и независимость суда могли идти и не столкнуться или столкнувшись не разбиться. Тщетная попытка! Осужденіе Пыпина и Жуковскаго и освобожденіе „Вѣсти“ составлялись очевидно подъ вліяніемъ рескрипта 13 Мая, и предсѣдателямъ Гольтгоеру и Чемодурову приказано, сказано или внушено поступить такъ и не иначе. И тотъ, и другой люди послушные. Но я удивляюсь, какъ переноситъ это Г. Н. Мотовиловъ, всегда высказывавшій большую независимость. Рѣчь Скарятинъ, какъ „публициста“, замѣчательна своею безыскусственностію. Онъ, съ своей точки зрѣнія, убѣжденъ въ правотѣ своихъ стремленій и *терпимости* самаго выраженія этихъ убѣжденій. Не благородны показались мнѣ нападки на Жуковскаго и ссылка на „Московскія Вѣдомости“. Но исходъ процесса не подлежалъ сомнѣнію: осудивъ Жуковскаго и Пыпина, Палата не могла осудить ихъ порицателей. Я бы осудилъ. И при свободѣ публицистики должны быть приличіе и умѣренность публичнаго слова. Раздраженіе „консервативнаго редактора“ не оправданіе. Тогда и всякая ретроградность, явно нарушающая данныя и пріобрѣтенныя права, найдетъ оправданіе, какъ находитъ его, пожалуй, и революція. Но что же тутъ нормальнаго?

Университетская исторія мало по малу разоблачается. Чичеринъ вышелъ въ отставку (и каѳедра государств. права не занята), Погодинъ разболталъ свое письмо къ ректору и профессорамъ, которые намѣревались выходить (см. „Москов. Вѣдом.“ №№ 40 и 42 и „Русск. Вѣд.“ 45 и 46). Ректоръ закрылъ лекціи двумя днями прежде обыкновеннаго, такъ что Чичеринъ долженъ былъ, вмѣсто прощальнаго слова, написать прощальное письмо студентамъ. Погодину отвѣчалъ профессоръ Фед. Мих. Дмитріевъ. Чичерину студенты дали обѣдъ съ рѣчами, довольно невинными. Ученый міръ былъ въ волненіи. Москва, довольно равнодушная и къ земству, очень безцвѣтному, и къ Славянскимъ чтеніямъ, ропщетъ на подписки въ пользу голодающихъ и общество раненыхъ. Подписка на больныхъ и раненыхъ, подражаніе генерала Тотлебена учрежденію Прусскому, идетъ плохо по неудачному выбору президента, генерала Зеленаго, не имѣющаго ни имени, ни инициативы. Для голо-

дающихъ Цесаревна собрала 200 тысячъ. Великіе князья, во дворцахъ, въ холода, выдавали башлыки и поили сбитнемъ извозчиковъ. Николай Старшій собиралъ подписку по гостинодворцамъ, морщась, если цифра мала, даря улыбкою благоволенія, если она покрупнѣе. „Ни копѣйки не дамъ, говоритъ, собираясь просить о возобновленіе 5-ти тысячной аренды, патріотка кавалерственная дама М. А. Л.*). Раззорилъ насъ, такъ и ѣшь сухую“. Полонскій написалъ Цесаревнѣ стихотвореніе: „Голодъ“. Но Москва глуха. Въ ней по прежнему безденежье и страшные морозы. По прежнему пьянство, преступность. Не знаешь, гдѣ это остановится. Домашняя прислуга дезорганизована до крайности. Распущенность повсюду такъ очевидна, что сомнѣваешься въ благодѣтельномъ вліяніи свободы печати и публичности суда. Видишь какъ бы только злоупотребленіе свободы и публичности. Сегодня, продолжая агитацію, „Москвичъ“ осмѣетъ тарифную комиссію, завтра отдѣлаетъ Валугева или гр. Дм. Толстаго, а судъ оправдаетъ явныхъ воровъ, генерала Философова въ Петербургѣ, или развернетъ всѣмъ на показъ скандалезные роды Итальянки Жюли Баронъ, задушившей ребенка и судившейся за спрятаніе тѣла въ комодѣ. Стыдно читать повивальной бабкѣ. 20 лѣтняя Баронъ была постоянно въ изнеможеніи.

Агитація тарифная ведется собственно А. П. Шиповымъ. Разстроившись въ собственныхъ дѣлахъ, Шиповъ пошелъ на жалованье къ купцамъ и андоктринируетъ ихъ въ Нижнемъ, гдѣ онъ предѣдательствуетъ въ биржевомъ комитетѣ на ярмаркѣ, и въ Москвѣ, гдѣ протекціонисты и основали свой органъ „Москву“ (или „Москвича“), слившись съ національно-Славянофильскою партіей. Здѣсь собрана была подписка отъ нѣсколькихъ десятковъ рабочихъ подъ просьбою о вышеніи ввозныхъ пошлинъ. Въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ пріятелями своими Колюпановымъ и Полетикою, Шиповъ помѣщалъ обширныя статьи въ „Петербур. Вѣдомост.“, а на дняхъ прислано въ Москву письмо рабочихъ изъ Твери, гдѣ прямо выражаютъ опасенія за вредныя послѣдствія пониженія пошлинъ собственно для рабочаго класса, т. е. миллионовъ народа, долженствующихъ остаться безъ заработковъ и хлѣба. Тверскіе работники прямо указываютъ на „тарифную комиссію“ и не чуждаются научныхъ пріемовъ.

Вотъ къ какимъ подкопамъ приступаемъ мы нынче, а за десять лѣтъ Прохоровъ просто прислалъ Небольсину 10 т. р. безъ затѣй. „Москва“ или „Москвичъ“ преисполнены смѣлыхъ выходокъ. *Голодъ, народная нужда* служатъ имъ, вмѣстѣ съ тарифомъ, благовидными предлогами.

*) Марія Александровна Лонгинова, рожд. Крюкова. П. Б.

„Московск. Вѣдомости“ несравненно сдержаннѣе и осторожнѣе со времени высочайшаго разрѣшенія ихъ послѣ третьяго предостереженія.

Юбилей Крылова далеко не такъ праздновался какъ Ломоносова и Карамзина. Надобно искать объясненія этого равнодушія въ частомъ повтореніи этихъ юбилеевъ, поднятыхъ пробуждающеюся Русскою самостоятельностью. А заслуги дѣдушки Крылова стоили бы праздника, заслуги народныя, заслуги воспитанія поколѣній, ходячаго ума, уличной мудрости. По особенностямъ моего воспитанія и по времени я узналъ Крылова послѣ Лафонтена, даже послѣ Геснера и Геллерта, и всегда ставилъ его ниже Лафонтена. Мнѣ казалось, что и Дмитріевъ, котораго ребенкомъ читалъ я послѣ балладъ Жуковскаго, тоже ранѣе Крылова, тоже прекрасный Русскій баснописецъ. Крыловъ, по истинѣ, по языку и типамъ, баснописецъ народный, рассказчикъ уличной толпы и юмористъ кабинетнаго чтенія. Съ улыбкою презрѣнія смотритъ онъ на суеятящійся свѣтъ и забавно перебираетъ личности, съ ихъ простотою и ухищреніями, производя ихъ то въ лису, то въ крысу, то въ Петра, то въ Демьяна, то въ свинью и повара. Народный калейдоскопъ оригинальныхъ простяковъ, поучающихъ собою сердце и мышленіе.

Февраль. Студентскій процессъ за апплодисменты г-жѣ Оноре есть просто капризь генераль-гунернатора, которому какъ-то наскучали эти непрерывные вызовы и апплодисменты, и онъ приказалъ Арапову, Полю, Врубелю забрать въ часть эту молодежь, какъ *нарушителей театральныхъ представлений*. Полиція забрала этихъ „бѣлокурыхъ и маленькихъ“ и посадила ихъ на ночь въ кутузку. Потомъ порядокъ требовалъ представить ихъ къ мировому судѣ. Здѣсь реакція потребовала, чтобы г. Нероновъ осудилъ ихъ, какъ нарушителей, къ денежному штрафу безъ аппеляціи. Надѣюсь, что кассачія возстановитъ правосудіе и за апплодисменты къ суду тянуть не будутъ, а капризь найдетъ поученіе. Должно однако замѣтить, что эти ладоши и вызовы дѣйствительно переходятъ всякую мѣру, и урокъ молодежи не лишній.

И „Москвичъ“ прекращенъ „какъ замаскированное продолженіе Москвы“, и прекращенъ „по высочайше утвержденному положенію Комитета Министровъ“. Что за чрезвычайная мѣра и за какія вины? Въ публикаціи не сказано. За тарифныя возраженія и за продажу Николаевской желѣзной дороги внѣ условій патріотизма и здраваго смысла? Или за разборъ отчета оберъ-прокурора Синода? Или за статьи о дурной рождѣ (полиція и администрація), отражающей на зеркалѣ новаго суда? Или за обнародованіе процесса апплодирующихъ студентовъ? Или за прибавленіе о грабежахъ и разбояхъ въ Москвѣ, не дѣлающихъ чести начальствующимъ въ первопрестольной? Поводовъ много. И рожа—поводъ, и отчетъ—поводъ. Поводъ—и требованіе занятія Галиціи, если

Австрія займетъ Герцеговину. А жаль! Аксаковъ откровененъ и благороденъ, съ далекимъ кругозоромъ Славянофиловъ и самостоятеленъ. Но это естественно: газета основана Московскимъ купечествомъ и братьями Шиповыми.

Университетская исторія изложена довольно подъячески, сегодня, 21 Февраля, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, главномъ рычагѣ этой исторіи. Это ни болѣе ни менѣе какъ протестъ молодежи (меньшинства и талантовъ) противъ большинства и безталантливости Баршева (ректора) и поддающихся вліянію ученаго Леонтьева (Каткова) во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ университета. Это искусственное злоупотребленіе самоуправленіемъ, столь же возможное въ Московскомъ университетѣ, какъ и въ какой нибудь Сызранской волости. Элементы не созрѣли, общественность слаба, населеніе рѣдко. Ни Дмитріевъ, ни Чичеринъ, по существу, не правы; но и ректоръ и его страдательный совѣтъ, по формѣ, тоже не правы. Ректоръ зажимаетъ ротъ говорящему, не позволяетъ читать письменное, возвращаетъ съ надписью написанное. Бушующему меньшинству исхода нѣтъ. Оно ищетъ защиты у попечителя; глупый человѣкъ дѣлаетъ коллегіи замѣчаніе. Коллегія, естественно, оскорбляется. Совѣтъ министра нейтрализуетъ и канцелярскимъ разъясненіемъ думаетъ согласить обѣ стороны. Послѣдовалъ разрывъ окончательный. Меньшинство, не скопомъ, а одинъ за однимъ, просятъ отставки. Начинается агитация въ общественныхъ кружкахъ, въ газетахъ. Началь Погодинъ, отвѣчали Чичеринъ письмомъ и обѣдомъ, и Дмитріевъ—отвѣтомъ Погодину. Главною виною—несозрѣвшее самоуправленіе, приводящее къ выборамъ въ ректоры такого господина какъ Баршевъ, этотъ семинаристъ и мать-игуменья. Безлюдье въ университетѣ поразительное. Каѳедры на половину не заняты, занятія отличаются бездарностію. Самоуправленію не достаетъ средствъ.

Копеечные сборы. Жалкій отчетъ общества литературнаго фонда (пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ), показывающій въ приходѣ—16 т. р., въ расходѣ—11 т. р., невольно наводитъ на мысли о нашей бѣдности и недостаточности нашего общественнаго вспоможенія. Подписки наши ограничиваются сотнями, рѣдко тысячами. На 75 миллионное населеніе это не составляетъ и копейнаго сбора. Въ восточной Пруссіи оказался неурожай, и вспоможеніе рассчитывается на миллионы. У насъ Цесаревна не собрала и 500 т. р. Общество пособія дворовымъ (ихъ 1½ мил.) закрылось при истощеніи фонда, хватавшаго до 24 т. р. Это пособіе населенію, превосходящему обѣ восточныя области Пруссіи. Шумный сборъ для братьевъ Славянъ дойдетъ, можетъ быть, до 3 т. р., чтобы начать борьбу съ Турціей. Съ энтузіазмомъ начата подписка для храма Св. Александра Невскаго

остановилась на 36 тысячъ. Многорѣчивое общество вспомошествованія воинамъ значить въ приходѣ 37 тысячъ. Армія обезпечена! Съ объѣдненіемъ дворянства отъ освобожденія крѣпостныхъ, объѣдѣло, на время, все общество. При этомъ безпрестанные займы и лотереи вытягиваютъ и капиталы и мелкія сбереженія. Непомѣрное возвышеніе податей и общая дороговизна умаляютъ средства и въ тѣхъ классахъ, которыхъ копеечное содѣйствіе обѣщаетъ милліоны. Прежде представителемъ государства было помѣстное дворянство, а теперь земство, обложенное разными поборами.

Жалкій отчетъ, а все таки честь и слава Ег. П. Ковалевскому съ товарищи.

Восточный-ли вопросъ созвалъ въ Петербургъ нашихъ посланниковъ Парижскаго (бар. Будберга) и Турецкаго (Игнатьева) или другой какой, во всякомъ случаѣ *демонстрація* эта удалась, задавъ кабинетамъ загадку и вѣзмъ политиканамъ задачу. Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ собственно о значеніи демонстрацій, къ которымъ Наполеоны всегда прибѣгали и ввели этотъ манѣвръ въ обычай Европейской политики, внутренней и внѣшней. Демонстрація есть ложная тревога, попытка, на которую всегда или нерѣдко другой элементъ (народная масса) отвѣчаетъ *манifestаціей*, ложной угрозой. Такъ или сякъ, и то и другое есть ложь, носившая въ XVII вѣкѣ названіе ловкой хитрости, а въ XVIII—ловкаго притворства. Въ XVI столѣтіи ученіе это основалъ Макиавелли. Демонстраціи теперь въ большомъ ходу. То пустится утка въ газетѣ, то пришлется телеграмма на биржу, то устроится лагерь или смотръ, то скажется рѣзкая рѣчь 1 Января или въ Бордо и Оскерѣ, то обнародывается знаменательная брошюра или вызовется посланникъ, или разошлется циркуляръ или передвинется корпусъ. Особенно вредны демонстраціи внутреннія. Онѣ поселяютъ недоувѣріе, беспокоятъ мнѣніе и раздѣляютъ управленіе отъ управляемыхъ, поставляя ихъ въ какое-то наблюдательное, враждебное положеніе. И я понимаю это во Франціи, гдѣ правительство вышло изъ революціи и виляетъ между пропастей. Но съ какой стати явленіе это усвоивается у насъ, я объясняю себѣ однимъ пустымъ подражаніемъ, которое однако и у насъ создаетъ (ложное) раздвоеніе и отчуждаетъ общество отъ правительства.

Процессъ Пинскаго и Прянишниковъ по управленію имѣніями генерала Саломирскаго. Ихъ обвиняютъ въ растратѣ, утайкѣ, присвоеніи, въ кражѣ 80 т. р.! Пинскаго обвиняютъ въ кражѣ! Мнѣ хотѣлось бы дать отвѣтъ первому впечатлѣнію, подавляющему во мнѣ лучшія убѣжденія, увѣренность и привычки. Я пораженъ этимъ извѣстіемъ. Я не могъ дочитать отчетъ „Судебнаго Вѣстника“. Экое времечко, полное

злости и своекорыстія! Себѣ не вѣришь! Въ себѣ сомнѣваешься! Илья Арсеньевъ, Звенигородскій, Алексѣй Зарудный, Бильбасовъ, Будаевскій—какая грязь! „Вѣсть“, „Голосъ“—какая грязь! Но эти трущобы не такъ оскорбляютъ меня, какъ процессъ Пинскаго. Я знаю Пинскаго съ 1835 года. Это былъ человекъ дѣловой, правдивый и неподкупной честности. Никто и никогда не сомнѣвался въ этой честности. Съ 1817 г. въ службѣ, воспитанникъ Педагогическаго Института, скромный учитель Симбирской гимназіи, въ домѣ Ивашкиныхъ, губернскій стряпчій въ Москвѣ, съ 1831 г. начальникъ отдѣленія Деп. Юстиціи, съ 1837 г. оберъ-прокуроръ, потомъ, съ 1850 г. сенаторъ и въ 1866 г. первоприсутствующій въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ, онъ всегда пользовался репутаціей отлично честнаго, отлично строгаго и упорнаго въ строгости судіи, къ которому Д. В. Дашковъ, графъ В. Н. Панинъ, графъ Д. Н. Блудовъ и всѣ мы, его знакомые и друзья, имѣли полную довѣренность. Мы знали его пристрастія, его увлеченія, но мы не могли допустить и мысли даже о возможности любостыжанія съ его стороны. Больной и разбитый годами, онъ еще такъ незадолго до смерти велъ процессъ Гаевского о похищеніи Синодскихъ денегъ и велъ его такъ энергически, такъ грозно и даже такъ привязчиво! Чему вѣрить въ такую эпоху? Обвинялъ въ Окружномъ Судѣ адвокатъ Спасовичъ, тотъ самый молодой Казанскій магистръ, котораго Пинскій прислалъ ко мнѣ, въ 1853 г., для практическаго изученія судопроизводства. И у этого Спасовича поворотился языкъ обвинять Пинскаго въ кражѣ! Тутъ могли быть безпорядки въ управленіи, совершенно чуждомъ чиновничьему быту Пинскаго; тутъ могли быть ошибки въ счетоводствѣ, всегда противномъ натурѣ Пинскаго; тутъ могло быть и предвосхищеніе подписи самоувѣреннаго, разъ довѣрившагося Пинскаго; но присвоенія, похищенія тутъ, по моему глубокому убѣжденію, не было и, судя по плебейской гордости Пинскаго, быть не могло.

Повторяю: въ себѣ усумнишься.

Поговаривали о связяхъ Пинскаго съ женщинами, о другой семьѣ, на сторонѣ. Это могло быть. Но отсюда до захвата—пространство неизмѣримое.

Однако Спасовичъ приводитъ факты: гр. Ламбертъ объясняетъ, что 20 Декабря имѣлъ съ Пинскимъ крупный разговоръ, Пинскій объявился внести,—и на другой день скончался.

Мартъ. Валувевъ оставляетъ Министерство Внутр. Дѣлъ по болѣзни глазъ и изнуренному здоровью. Онъ 38 лѣтъ въ службѣ, 57 лѣтъ отъ роду и послѣ семилѣтняго труднаго управленія министерствомъ, когда приводилась въ исполненіе крестьянская реформа, когда устраивалась полиція, упразднялись приказы, выработывалось земство и преобразо-

вывалась цензура. Есть надъ чѣмъ потрудиться и было отчего изнурить себя! Петръ Александровичъ Валуевъ нигдѣ не учился и только держалъ такъ называемый комитетскій экзамень. При благообразной наружности и прекрасномъ ростѣ онъ имѣеть весь внѣшній блескъ и блестящую свѣтскую образованность. Долгое пребываніе въ Прибалтійскомъ краѣ сдѣлало изъ этого Русскаго Француза истаго Рускаго Нѣмца. Послѣ смерти первой жены, несчастной княжны Маріи Вяземской, женитьба на дѣвицѣ Вакульской сдѣлала его немножко и Полякомъ. Петербургъ сдѣлалъ его космополитомъ. Продолжительное губернаторство въ ученой и скромной Митавѣ дало ему возможность обогатиться теоретическими и положительными свѣдѣніями, а разнообразная служба его, столкновения съ замѣчательными людьми и постоянная любознательность распространили и укрѣпили его познанія. Онъ превосходный ораторъ и замѣчательный редакторъ. Блестящей карьерой своей онъ обязанъ собственно себѣ. Когда Муравьевъ просилъ Государя, въ 1860 г., оставить его въ Министерствѣ для окончанія важныхъ преобразованій, особенно столь выгодной переоброцкѣ земель, Государь отвѣчалъ, что онъ уже предназначенъ для высшаго поста. Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ и успѣхѣхъ въ службѣ, Валуевъ постоянно имѣлъ многихъ и ярыхъ порицателей въ Петербургѣ и въ Москвѣ и не только не пользовался популярностью, но едва ли имѣлъ и немногихъ теплыхъ приверженцевъ. Причину этой холодности и общаго нерасположенія къ Валуеву должно искать въ холодности самого Валуева, для котораго личный успѣхъ всегда имѣлъ преобладающее вліяніе. Потомъ—отсутствіе въ немъ Русскаго челоуѣка, въ настоящее время, когда князь Суворовъ и „Московскія Вѣдомости“ такъ высоко поставили національное достоинство. Потомъ—пристрастіе Валуева къ Остзейцамъ и Полякамъ. Эту причину я считаю существенною и главнѣйшею. Время откроетъ дѣйствія Валуева въ пользу этихъ антирусскихъ національностей. Какъ очевидецъ, я могу засвидѣтельствовать только то, что при немъ 2-й Д-тъ Мин. Гос. Имущ. съ Рудницкими, Кейстутами, Войшкульскими, Шахно и проч. былъ совершенно Польскій, какъ и весь личный составъ управления западныхъ губерній, и что этимъ, люстраціею и формами, Муравьевъ и Валуевъ неумышленно, но усердно служили Польскому Жонду. По Остзейскому краю, кромѣ покровительства Нѣмецкому чиновничеству, достаточно указать на отстоенныя Валуевымъ привилегіи г. Риги, и на продажу казенныхъ земель дворянству въ Эстляндіи изъ 4% на безсрочное время. Вообще Валуевъ имѣлъ большое вліяніе на Муравьева, и отвѣтственность за ихъ Польско-Остзейскія дѣйствія должна лежать преимущественно на немъ.

Дѣйствія Валуева, какъ министра, принадлежать исторіи. Я думаю что онъ кончилъ свое государственное поприще. Ожидаемыя прощальныя сцены, спичи и адреса принадлежать исторіи уже не будутъ. Могли содѣйствовать его увольненію, въ такое трудное и жаркое время, и недостаточныя мѣры губернаторовъ и министерства для предупрежденія голода, обнаружившагося во многихъ уѣздахъ и, кажется, болѣе раздутаго газетами, нежели дѣйствительнаго. Но увольненіе недобровольное. Личныя мои отношенія съ Валуевымъ были всегда дружескія.

Поѣздка принца Наполеона въ Берлинъ приписывается миролюбивымъ настроеніямъ Франціи, по газетамъ Французскимъ. Онъ началъ разоруживать вооруженныя (всѣ) государства Европы, начавъ съ главнѣйшаго, Пруссіи. Это не такъ. Война или революція должна быть. Накопившіеся горячіе элементы неотлагательно требуютъ взрыва и непременно взорвутся. Поѣздка маскируетъ вооруженія Франціи, которая совершенно запуталась во внѣшней и внутренней своей политикѣ. Такъ трудно поправляться, разъ оторвавшись отъ историческаго, преемственнаго развитія. Горючіе элементы скопились и въ Италіи, и во Франціи, и на Дунаѣ. Положеніе вещей невозможное, невыносимое. Борьба династическихъ началъ съ національными въ наше время не мыслима. Они должны быть тождественны. Гегемонія Франціи прошла невозвратно. Гегемонія Пруссіи поднимаетъ Славянское племя, и оно поднимется. Намъ, Русскимъ, Востоку приходится стать лицомъ къ лицу съ Западомъ и начать новую эпоху, съ социальными преобразованиями, которыя намъ издавна присущи. „Права Наполеоновской династіи“ тутъ ни при чемъ. Событія совершаются внѣ личныхъ и династическихъ соображеній. Еще дѣйствуютъ условія національныя, условія довольно узкія, если ихъ выражаетъ какой нибудь Лауенбургъ, Данія, Венгрія, но еще имѣющія значеніе по отношенію Запада, Романско-Германскаго Запада, къ этому возрастающему Славянскому Востоку, гдѣ Россія призвана на преобладающее вліяніе. Должны дѣйствовать условія и интересы обще-человѣческіе, внѣ всякихъ демонстрацій и манифестацій, интересы положительные, служащіе на пользу, на благо всѣмъ. Солидарность должна быть признана для всѣхъ обязательнымъ закономъ, а солидарность Запада съ Востокомъ требуетъ социальной реформы.

Валуевъ уволенъ (съ лестнымъ рескриптомъ „искренно любящаго Александра“), тарифная комиссія, проясками протекціонистовъ, закрыта, новый министръ сказалъ громкое слово о подпольномъ противодѣйствіи, зарождается министерство полиціи, которой отдается и цензура, и все это приписывается вліянію Наслѣдника-цесаревича, окруженнаго совѣтниками: кн. Мещерскимъ, обязавшимъ губерніи для мѣстныхъ изученій,

Качаловымъ, предсѣдателемъ образцовой Новгородской управы, юристомъ Побѣдоносцевымъ и экономистомъ Бабстомъ. Обстановка счастливаго выбора, отъ которой можно и должно ожидать полезныхъ результатовъ. Къ этимъ совѣтникамъ должно причислить графа Серг. Строгонова, гр. Перовскаго и генерала Рихтера, людей умныхъ и благородныхъ. Вообще должно отдать справедливость Государю: онъ выбираетъ людей осмотрительно, онъ желаетъ руководствоваться отличеніемъ таланта и преданности.

Я упрекаю нашихъ правителей и ихъ назначеніе въ незрѣлости и въ естественной за тѣмъ опрометчивости. Всѣ великія преобразованія дѣйствительно велики, но надуманы они а priori и исполнены непрактично. Освобожденіе крестьянъ разорило и уронило дворянство и мѣстнымъ безначаліемъ, пьянствомъ и раздѣлами губить крестьянство. Земство (скороспѣлое) не обезпечиваетъ ни одной изъ своихъ обязанностей и сопровождается одними смутами, раздорами и агитаціями. Напущенный Польскою партіею говоръ о голодѣ съ помощію падкой гласности не нашелъ въ земствѣ никакого отпора. А между тѣмъ это пьянство и эта гласность, въ свою очередь: славныя современныя преобразованія. Лучше другихъ проведена реформа контрольная; но и она, разработкою счетовъ 1866 года, доказываетъ, что реформа на бумагѣ далека отъ дѣйствительности. Дефициты изъ единицъ и десятковъ по смѣтѣ превращаются въ десятки и сотни при его исполненіи. Винный акцизъ губить народъ въ корень, а сумма его сборовъ постепенно уменьшается, не смотря на лихорадочные искусственные заработки по разнымъ ненужнымъ трактамъ желѣзныхъ дорогъ. Освобожденіе крестьянъ, удешевленіе вина и эти заработки привели правительство къ мысли о непомѣрномъ возвышеніи прямыхъ налоговъ. Это одна изъ самыхъ революціонныхъ мѣръ современнаго революціоннаго царствованія. Въ немъ зародышъ основнаго народнаго неудовольствія и возбужденія демократическихъ проявленій. Признано, что налогъ лежитъ неуравнительно, неравноправно и нераціонально, а г.г. Муравьевъ и Рейтернъ усиливали до нельзя этотъ экономическій беспорядокъ государства. Судебная реформа идетъ беспорядочно. Принявъ пять или шесть изъ моихъ предположеній (вошедшихъ въ правила 11 Октября 1865 г.), министерство, безъ всякаго основанія, отвергло другія, и я счелъ себя вынужденнымъ, послѣ двухъ лѣтъ опыта, напомнить объ этомъ министру письмомъ отъ 9 Марта, прося графа Конст. Иван. фонъ-дербъ-Палена удостоить вниманіемъ стараго и едва ли не старѣйшаго криминалиста. Назначенія по государственной службѣ такъ часты, внезапны и скоры, что у всѣхъ головы кружатся. Въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ нѣкоторые получили пять-шесть назначеній. Наслѣдникъ принимаетъ участіе въ

общихъ дѣлахъ управленія. Онъ окруженъ хорошими людьми. Чего же смотреть хорошіе люди? Событія совершаются и зрѣють.

Въ десятый разъ пишутъ мнѣ изъ Петербурга о назначеніи въ кассацию. Охъ, пора-бы! Задыхаюсь я въ этой Московской атмосферѣ, сохраняя обычную мою независимость. Эти Лонгиновы, Четвертинскіе, Шиповы, Одоевскіе, Сушковы давятъ меня какъ чужаеца, какъ иностранца. Все это люди хорошіе, благородные, но Москвичи, для которыхъ Петербургъ есть а ргіогі измѣнникъ-Нѣмецъ, неучъ и мелкій чиновникъ. Для нихъ государство есть отчина, всякое дѣло—сдѣлка, всякое событіе—интрига. На первомъ планѣ личность, на второмъ семья, на третьемъ родъ, на четвертомъ—приходъ, на пятомъ Москва, на шестомъ Московія, на седьмомъ Россія. Здѣсь семь горизонтовъ, и на каждый горизонтъ по семи ходовъ изъ семи кружковъ. И на каждый кружокъ по семи голосовъ на недѣлѣ, и на каждой недѣлѣ по семи Пятницъ. Сватовство, кумовство, сплетни, агитаціи и манифестаціи, изъ гостей въ гости, визиты и сѣзды съ ложью и злостью, съ пустыми рѣчами. Бездѣлье и бездѣльничество заѣдаютъ жизнь. Полезныя изданія Московскія: „Архивъ“ Бартенева и „Чтенія Общества“ Бодянского, обнародывая прекрасные матеріалы, не чуждаются и скандала и сплетень. Архивъ помѣстилъ довольно пустыя Записки графа Комаровскаго, который, описывая пріѣздъ свой въ Москву въ концѣ 1825 года и чтеніе въ соборѣ извѣстныхъ актовъ о престолонаслѣдіи, говоритъ между прочимъ, что архіепископъ Филаретъ, при словѣ о присягѣ, провозгласилъ народу: „разрѣшаю и благословляю“. Исторіографъ Филарета, Сушковъ, заручившись „Р. Архивомъ“, поскакалъ къ митрополиту. Старикъ отрекся отъ этихъ словъ, объяснивъ подробно, что для произношенія ихъ не было ни причины, ни повода. Сушковъ все это внесъ въ свои „Записки“. Филаретъ этимъ не ограничился. Онъ документально-письменно опровергаетъ показаніе графа Комаровскаго. Все это Сушковъ напечаталъ. Тутъ начинается агитація Комаровскихъ и Шиповыхъ. Анна Евграфовна Шипова, урожденная графиня Комаровская, центръ агитаціи, въ которой главное побужденіе личности и пики Сушковыхъ и Шиповыхъ (два разные сѣзда). Заводится дѣло, процессъ. Дѣти защищаютъ память родителя, духовный сынъ отстаиваетъ правдивость святителя, призываются свидѣтели. П. П. Новосильцевъ, адъютантъ генераль-губернатора, рассказываетъ подробно, какъ было и вполне подтверждаетъ извѣстіе Комаровскаго. Пишутъ къ кн. П. П. Гагарину, тогда оберъ-прокурору общаго собранія. Кн. Гагаринъ письменно удостовѣряетъ, что Комаровскій правъ. Собираютъ отзывы и другихъ современниковъ. И все это хотятъ напечатать, чтобы опровергнуть правдивость святителя, приводя и другіе рассказы о сомни-

тельности этой правдивости. И вся эта смута почти на другой день по погребеніи великаго іерарха, которому эти Шиповы и Комаровскіе выражали такую преданность, исполненную удивленія и благоговѣнія! Удастся-ли мнѣ отговорить ихъ, хотя повременить, не думаю. Гораздо болѣе важная агитація идетъ о тарифѣ, агитація широкая, гремящая въ Ивановѣ, Костромѣ и Петербургскомъ клубѣ хозяевъ, агитація заносчивая, бранная и весьма мало добросовѣстная.

Вотъ обнаружена и государственная роспись, бюджетъ на 1868 годъ. Поздненко. Ее задержали образованіе Привислянскихъ губерній и Кавказскихъ управленій. Обнародованъ и отчетъ государственнаго контроля за 1866 г. Оба документа весьма важные. Они удостовѣряютъ, что въ бюджетъ можно вѣрить только въ цифры увеличенія налоговъ, умноженія расходовъ и постоянного дефицита. Они удостовѣряютъ, что смѣта и дѣйствительное исполненіе ея двѣ величины совершенно различныя. Формальная отчетность открываетъ и прикрываетъ прежній произволъ. Огромная цифра доходовъ въ 480 милліоновъ не хватаетъ на наши нужды. Низкая денежная единица возвышаетъ цѣнность на значительный процентъ. Биржи завалены фондами и облигаціями, потерей счету нѣтъ. У всѣхъ расчетъ на случайность. Петербургская расточительность не приостанавливается. Пьянство и преступность усиливаются, не смотря на бѣдность голодающихъ и на скорость судебного прещенія. Начинаются скандалы и процессы. Притягиваютъ по немного и администрацію, и дворъ, и царскій домъ... Говорятъ, князь Николай Лейхтенбергъ женится на Акинфовой. Недалеки времена Шоазеля, недалеко банкротство казны, истощеніе податныхъ силъ, коренной порчи нравственности. Женщины играютъ большую роль. Авторитетъ правительства расплывается. Почему всѣ умы полны опасеній? Почему эта общая распущенность, на которую всѣ жалуются? Какое отношеніе лихорадки старика и ребенка, ожидающихъ выигрыша въ 200 т., ну, въ 500 р.—77 милл. годовыхъ процентовъ нашего государственнаго долга. Какое отношеніе между неутвержденіемъ г. Зеленаго и забаллотированіемъ г. Герье, между страхомъ и надеждою, между поѣздкою принца Наполеона въ Берлинъ и Дрезденъ и поѣздкою кронпринца во Флоренцію, а Датскаго военнаго министра въ Парижъ? *Journal des Débats* объясняетъ голодъ въ Россіи и Алжиріи социальнымъ владѣніемъ земельною собственностію. Ну, а если Феніи, Гарибальдійцы и Чайковскіе потребуютъ этого владѣнія вооруженными бандами?

Я говѣю. Три года я не говѣлъ. Монастыри отучили. Пошли, Господи, терпѣнія и теплаго усердія! Эти продолжительныя службы. стоянія очень чувствительны. Исторія любитъ неблагодарность. Неблагодарность или неумѣнье? Запоздалость? Думаю я: вѣдь все это при-

несли намъ Греки. Обрядность, преданіе, чистота первобытная,—а развитіе? Какія непомѣрныя переměны переживаемъ мы. Я исповѣдался очень откровенно. Священникъ снисходителенъ и робокъ. Сегодня я причащался. 28 Марта. Райскія минуты, гдѣ вы? Странное дѣло! Я не видалъ этихъ минутъ и въ моихъ крошкахъ, а помню я ихъ въ 20 годахъ. Какъ сіяла душа, какъ горѣло чувство! Вѣкъ!

Прочелъ я „Людвигъ XV и Людвигъ XVI“ Мишле. Читается скоро. Это, кажется, послѣдній томъ его Исторіи Франціи, изложеніе которой составляло *его жизнь*. Мишле все тотъ же, свободенъ до неприличія, правдоподобенъ до вымысла, достовѣренъ до загадки. Путаешь, смѣшивается, льется потокомъ и разрѣшается нечаянностями. Своеобычность уродливая, о достоинствѣ науки и не спрашивайте. Но своеобычность и наука тутъ; обиліе источниковъ, новость возрѣній, живость изображеній: есть несомнѣнный даръ поэта, критически описывающаго событія 1759—1788 годовъ. Онъ положительно утверждаетъ *pacte de famille* Бурбоновъ Шоазеля, *conspiration de famille*, основываясь на перепискѣ матери, Маріи Терезіи, съ дочерью, *la magicienne, la fée*, Марією Антуанею. Онъ называетъ Людовика XVI-го Нѣмцемъ, и его и королеву и министровъ Австрійцами. Интересы Франціи были проданы. Подозрѣнія націи были основательны, обвиненіе въ измѣнѣ достовѣрно. Наказаніе закононо. Всѣ эти Австрійцы преступны и презрѣнны. Падаешь наука, все дальше и дальше отходятъ Кантовскіе приемы и возрѣнія. Вторгнувшаяся демократія обращается съ идеями какъ съ съѣстными припасами, классифируя ихъ по вкусамъ, по времени. Да, но Франція-ли, *la France, la grande nation* отходить на второй планъ? Да, демократія воцарилась, но исходъ ей остается одинъ: социализмъ. Какъ эти Колонны и Бриенны напоминаютъ нашихъ министровъ! Какъ сходны самыя событія, самыя реформы и этотъ *déficit*, и этотъ голодъ, и самый дебонарій. Но у насъ нѣтъ плотнаго населенія, и есть наше 8-ми мѣсячное безвременье.

Апрѣль. Ранняя Пасха, прекрасная погода, рогъ изобилія наградъ (колонна за колонной, не перечесть), самое мирное настроеніе газетъ и дипломатіи (быть бурѣ!), успѣхъ „Вѣстника Европы“, „Отечеств. Записокъ“ и „Современнаго Обзоренія“, продолжающійся успѣхъ „Войны и Миръ“ графа Толстого, агитація Московскихъ дамъ по комитетамъ больныхъ и раненыхъ, гдѣ кн. Н. Б. Трубецкая и А. Н. Стрѣкалова тянутъ въ одну сторону, а (купчихи) Красильникова и Бостанжогло въ другую, манифестаціи во Франціи по поводу закона о подвижной гвардіи и бурныя засѣданія въ парламентахъ Англіи, при Торійскомъ министерствѣ Еврея Дизраели по поводу предположенія Гладстона о государственной, вовсе не національной, церкви въ Ирландіи и въ

Американскомъ Сенатѣ, гдѣ судятъ Андрию Джонсона за смѣту военнаго министра и противодѣйствіе конгрессу.... Все это предзнаменованія нехорошія. Униженія повсюду, обидчивость общая, всѣ вооружаются, у всѣхъ бюджеты съ непомѣрными дефицитами. Италия не опомнится отъ униженій Франціи, Франція не образумится отъ могущественнаго торжества Пруссіи; въ Англіи виситъ споръ объ Алабамѣ, получающій въ Америкѣ значеніе національнаго вопроса. На Балканахъ, въ Шлезвигѣ и въ Прусско-итальянскомъ союзѣ сплетаются военныя случайности, готовыя ежеминутно взорваться. Но—повторяю—не въ политическихъ событіяхъ я вижу опасность. Они измѣнчивы, скоропроходящи и поверхностны. Границей дальше, провинціей больше, важнаго немного. Опасность лежитъ въ упадающемъ значеніи церкви и въ распадающемся строѣ социальномъ. Междоусобицы *ad portas*, социализмъ прорывается. Обойми Европу общая война, а безъ нея не обойтись, и съ окончаніемъ ея (а нынче войны кончаются скоро) вопросъ социальный постановится самымъ опредѣленнымъ образомъ. Работающее народонаселеніе (огромное большинство) потребуеть гарантій и надѣла, инаго распредѣленія налоговъ и своей доли благосостоянія. Удивляться надобно, какъ еще недостаточно сильно начало солидарности въ государствахъ Европы. Чугунка и телеграфы уничтожили пространства и время, а народныя массы пребываютъ въ первобытномъ невѣжествѣ. Насъ, насъ спасаютъ именно это невѣжество, наша безпредѣльность и наша бѣдность.

Умеръ Матвѣй, мой поварь. Третьяго дня онъ занемогъ, вчерась свезли его въ градскую больницу, сегодня-старуха мать пришла объявить, что онъ скончался. Хорошій былъ человекъ; пятый годъ жилъ у меня. Я приписываю его скорую смерть пьянству. Онъ пилъ. Пьянствомъ объясняю я частыя и внезапныя смерти и думаю, что патологія и статистика не одобрятъ акциза.

Трудно сказать, гдѣ остановится желчная дерзость нашей журналистики. Я держу въ рукахъ „Москов. Вѣдом.“, гдѣ перепечатано изъ „Сѣверной Почты“ до бессмыслицы странное объясненіе дуэли бароновъ Будберга (это нашъ посоль въ Парижѣ) и Мейендорфа; держу „Русскаго“, гдѣ расписано, какъ все и весь дворецъ пропитанъ ядомъ лести, „Современныя Извѣстія“, гдѣ отдѣланъ Московскій университетъ за агитацію по дѣлу Чичерина и Дмитріева, отдѣланъ желчно, площадно; держу наконецъ „Москву“ (№ 12), гдѣ описано совращеніе въ православіе отцомъ Васильевымъ отца Владимира Гетте и выставлена на показъ вся нетерпимость нашего духовенства, православной церкви, охраняемой, вмѣсто архангеловъ, квартальными и жандармами. И все это въ самыхъ незатѣйливыхъ выраженіяхъ, какъ пишутся формальные адреса, какъ печатаются кредитные билеты, какъ замышляются общія

мѣропріятія! Только невѣжество народа и суровость климата въ бѣдной странѣ спасаютъ насъ отъ переворотовъ, вызываемыхъ такимъ ограниченнымъ правительствомъ и такою дерзкою печатью. Жду выхода новаго „Статистическаго Временника“, чтобы заняться совершенно ненормальными явленіями и написать на тему Даля: отойдемъ да поглядимъ, хорошо-ли мы сидимъ“. Такіе порядки, голодный годъ и возрастаніе налоговъ!

Назначеніе генерала Потапова въ Вильну считаютъ сдѣлкою съ Польско-Французскою партіей. Пора кончить съ этими исключительными, диктаторскими, Муравьевскими мѣрами и водворить нормальный, общій порядокъ. Давай Богъ! Съ назначеніемъ новаго генераль-губернатора измѣняется и весь составъ управленія, т. е. Русскій элементъ утвердился, начнемъ управлять *краемъ* по старому. Краемъ? По старому? Но за этимъ краемъ есть уже *Привислянскія* губерніи, и край уже не на краю. Но старое уже измѣнилось, и земство, и судъ Московскій со старымъ порядкомъ не вяжется. Настоящій порядокъ требуетъ введенія во *вспль* западныхъ губерніяхъ земства и новаго суда и упраздненія генераль-губернаторствъ въ Вильнѣ и въ Кіевѣ. Такъ вѣроятно и сбудется. Генераль Безакъ сочтетъ назначеніе молокососа Потапова за личную обиду и оставитъ свой постъ. Новые начальники сочтутъ своею обязанностію даровать ихъ краямъ общія, всемилостивѣйше дарованныя преобразования, и значеніе ихъ, генераловъ, центральной власти, само собою упразднится. Какъ Ома невѣрный (т. е. недовѣряющій) я не совсѣмъ полагаюсь на официальное утвержденіе, что Русскій элементъ водворился въ краѣ на прочныхъ основаніяхъ. Что-то скороспѣла эта прочность. Муравьевская ломка и покупка двухъ трехъ-сотъ деревень Русскими у Поляковъ не могли создать новаго положенія, если оно не было подготовлено десятками лѣтъ. Частыя перемѣны въ личномъ составѣ управленія еще менѣе подтверждаютъ это сомнѣніе. Земство и новый судъ и упраздненіе генераловъ, да желѣзная дорога отъ Москвы— вотъ что водворитъ Русскій элементъ въ этихъ губерніяхъ.

Какія страшныя убійства въ Одессѣ, Кіевѣ, Тамбовѣ, Саратовѣ, Архангельскѣ! Ужасаютъ они даже стараго криминалиста. Въ самомъ дѣлѣ, убійства цѣлыхъ семействъ Сахновскаго, Жемарина представляютъ такія знаменія времени, которыя требуютъ внимательнаго изученія подобныхъ явленій. Молодой Полякъ, 19 лѣтній Горскій систематически истребляетъ цѣлое семейство (восемь человекъ) изъ національнаго фанатизма. Онъ не жалѣетъ убить полѣномъ и 4 лѣтнюю крошку, обнявшую трупъ матери. Убивъ отца, Сахновскаго, Никифоровъ, служитель, приходитъ душище дѣтей, и съ какимъ-то торжествомъ спрашиваетъ жертву-ребенка: „Сенька, чего ты хочешь?“ и накидываетъ веревку. П

здѣсь участвуетъ тоже несовершеннолѣтній Жигаленко. Хороша картина и въ Запечорѣ: воскресшая отъ убійства мать встаетъ изъ снѣга, видитъ убитыхъ дѣтей, мужа, всю семью, отвязываетъ у мужа воткнутого вверхъ ногами лыжи и идетъ объявить о случившемся. Замѣчательны въ Москвѣ, Екатеринбургѣ и въ другихъ мѣстахъ убійства извозчиковъ. Наймутъ человѣка за городъ, убьютъ, ограбятъ, и слѣдъ простылъ! Преступность страшно усиливается. Личная безопасность даже въ столицахъ не имѣетъ вѣрныхъ ручательствъ. Убійство въ Гусевомъ переулкѣ, въ Петербургѣ, Данилова, Попова, Мазурина, Колмыкова въ Москвѣ и проч. доказываютъ большую испорченность общества.

Не думаю, чтобы это выражало *испорченность* общества. Здѣсь болѣе участвуютъ скороспѣлыя, незапныя, радикальныя преобразованія, которыми такъ обильно настоящее царствованіе скучающаго Александра II-го. Огромный переворотъ 19 Февраля 1861 года поставилъ великую имперію вверхъ дномъ, и отчаянное положеніе вызываетъ коренныя реформы, которыя, въ существѣ прекрасныя и благодѣтельныя, поражаютъ своею новостью, неприготовленностію общества и недостаткомъ органовъ управленія. Преступности гимназистовъ много способствовала неумѣренная гласность. Тарифная агитація общааетъ преступность въ рабочемъ классѣ. Общія причины усиленія преступленій въ распущенности отъ воли, дешевки и ненаказанности. Всѣ наши реформы, въ настоящемъ ихъ видѣ, преждевременны. И время мститъ.

Года три-четыре тому назадъ я имѣлъ терпѣніе прочесть стихотворенія князя Вяземскаго, острыя, игривыя, желчныя. Вчера я прочелъ стихотворенія Ѳ. Тютчева, чувствительныя, картинныя и звучныя. Боже мой, какая пустота, мелкота и ограниченность! У Вяземскаго есть сатира по крайней мѣрѣ, есть Бѣлинскій, раздражающій запоздалаго остряка; Тютчевъ съ 1826 г. проснулся немножко на Славянскомъ съѣздѣ 1867 г. и запѣлъ и здѣсь черезъ 40 лѣтъ тѣмъ же молодымъ человѣкомъ, какимъ онъ началъ свое поэтическое поприще. Пустые люди не старѣютъ. Чтѣ за жизнь этихъ эгоистовъ и ничтожныхъ стихотворцевъ! Тютчеву остается еще послѣдовать за князьями Одоевскимъ и Вяземскимъ: напечатать въ „Русскомъ Архивѣ“ переписку, въ которой живые прославляются мертвыми.

Мы обѣдали у старухи Маріи Александровны Лонгиновой. Весь разговоръ шель о вредныхъ послѣдствіяхъ спѣшныхъ реформъ настоящаго царствованія, этихъ земства, суда, акциза и печати. Мать развивала, сынъ-губернаторъ подтакивалъ. Отъявленное крѣпостничество, злобное. Крупнопомѣстное дворянство, темный эгоистъ. А съ другой стороны также мать и тотъ же сынъ разсыпались, какъ справедливыя и

милостивъ Государь къ семейству, какъ онъ во второй разъ возобновилъ аренду (въ 3 т. р.) и какъ сына, при представленіи, назвалъ „Миша“ и спросилъ о здоровьѣ матери, прибавляя: „поклонись ей отъ меня, это старая моя знакомая, съ дѣтства“. Послѣ обѣда мы вдвоемъ говорили съ губернаторомъ. Немного было рѣчи о ненавистныхъ ему земствѣ и судѣ (съ которыми у него уже вышли столкновенія), о непослѣдовательности „Москов. Вѣдомостей“, о намѣреніяхъ Государя и новаго министра Тимашева подтянуть разшатавшіеся оплоты порядка. Но болѣе Михаилъ Николаевичъ велъ рѣчь о Сушковѣ и о своемъ другѣ Соболевскомъ, и особенно о своихъ эпитаграммахъ, которыя онъ и Соболевскій рассылають безыменными по городской почтѣ. Переданные мнѣ княземъ Одоевскимъ стихи:

Нѣтъ, я писатель не для дамъ,
Пишу я больше все...
Въ Москвѣ печатать не отдамъ,
А напечатаю въ Карлсруэ.

Это написано, какъ эпитафъ къ сочиненіямъ Соболевскаго, по поводу напечатанія въ Карлсруэ стихотвореній Жуковскаго. Одоевскій передавалъ, что Соболевскій сказалъ этотъ экспромтъ по случаю изданія въ Карлсруэ сочиненій Тургенева. Лонгиновъ все тотъ же мелкій литераторъ Московскій, пробавающійся островами, анекдотцами и сплетнями. И такихъ господъ назначаютъ губернаторами! И потомъ удивляются, что плохо дѣла идутъ. Удивляться надо, что они не идутъ хуже.

„Какой пассажъ!“! Сегодня въ общемъ собраніи Сената разсматривалось замѣчательное рѣшеніе 8-го Департамента полковника Ив. Лихачева съ Семькинымъ. Жалуюсь на это рѣшеніе, Лихачевъ пишетъ, что, войдя съ частною жалобою въ общее собраніе на неправильное исполненіе его указа, онъ постоянно слѣдилъ за движеніемъ дѣлъ собранія, чтобы лично представить, при докладѣ, объясненія по содержанію моего частнаго прошенія, какъ вдругъ получаю указъ изъ 8 Д-та, разрѣшающій дѣло мое по существу. Это дѣйствительно было такъ. Частная жалоба Лихачева попала не въ общее собраніе, куда „къ поданію надлежитъ“, а къ секретарю Цвѣтаеву, который доложилъ дѣло по существу и выработалъ рѣшеніе, апелляціоннымъ порядкомъ, въ пользу Семькина. Едвали былъ подобный промахъ и у приказныхъ секретарей. Замѣчательно, что дѣло рѣшено во время ваканта 1866 года, когда обыкновенно мало дѣлъ и много времени, и рѣшено и подписано лучшими, позднѣйшими сенаторами 7 и 8 департаментовъ: кн. Вл. Ѳед. Одоевскимъ, который назначенъ въ 1865 г. первоприсутствующимъ, получилъ Владимирскую звѣзду въ 1866 и аренду въ 3 т. р. въ 1867 г.

генераломъ Н. П. Колюбякинымъ „умнѣйшимъ изъ военныхъ сенаторовъ“, удостоившимся увеличенія пенсїи за раны и Владимира 2 ст., покойнымъ кн. Дм. Ив. Долгорукимъ; Гр. Алкед. Евреиновымъ, всегда слывшимъ за дѣльца и получившимъ Аннинскую ленту въ этомъ году, и денежное пособіе въ 2 т. р. въ 1868 г., и наконецъ профессоромъ Н. В. Калачевымъ, удостоеннымъ тоже Владимира 2 ст., доктора и авторитета гражданского права. Что же смотрѣли и дѣлали эти удостоенные и достойные лавренты? Такъ идти дѣламъ нельзя. Но они могутъ идти и пойдутъ хуже. Лихачевъ богатъ, но эта распущенность присутствїя и канцелярїи производитъ то, что капиталъ въ 70000 гуляеть въ чужихъ рукахъ. Распущенность большая, я ея не скрывалъ ни передъ почтенными моими товарищами, занятыми другимъ дѣломъ, ни передъ канцелярїей, чующей свое упраздненіе.

Разъ какъ-то я шелъ по Тверскому бульвару и слышалъ разговоръ двухъ мастеровыхъ. Хорошо, говорить одинъ, я завтра схожу къ нему и спрошу порядкомъ: что же онъ думаетъ и можно-ли на него разчитывать? Не ходи, Василій отвѣчаетъ другой, не трудись; время-то нынче какое-то мудреное, такое что все какъ-то выходитъ не такъ, какъ желалъ и думаешь. Нѣтъ, нѣтъ да и оборвется, а тутъ и обида и судъ и злоба. Не знаю, о чемъ они говорили, но печаль о времени меня поразила. Въ самомъ дѣлѣ, время трудное, исполненное случайностей и обрывовъ. То и дѣло, что общее дѣлается личнымъ, гласное ложнымъ, ложное вѣроятнымъ, сказочное возможнымъ. Слухи часто несбыточные безпрестанно беспокоятъ общество. Ничтожное событіе принимаетъ огромные размѣры, мѣстная мелочь раздувается въ всеобщій фактъ, неоспоримое начало подмывается спеціальными примѣненїями. Разговоръ переходитъ въ споръ, доступъ въ личную ссору, оскорбленїя, злобу. Гласность! Не говоря о нашихъ преобразованїяхъ, такъ различно оцѣниваемыхъ разными сторонами, не говоря о западныхъ губерніяхъ, гдѣ столкнулись Московскій произволь съ подпольною Польскою кривою, не говоря ни о бывшихъ пожарахъ, ни о настоящемъ голодѣ, я хочу указать на два событія, поучительныя въ томъ отношенїи, что въ нихъ участвуютъ лучшіе люди, профессора Московскїе и доктора Петербургскїе. Столкновенїе Чичерина-Дмитріева и consort съ Совѣтомъ, университетская исторїя все еще продолжается. „Современныя Извѣстія“ въ №№ 100 и 114 выставили этотъ позоръ въ самыхъ наглыхъ выраженїяхъ. Въ Петербургѣ началась и разрастается исторїя смерти Дубовицкаго. Д-ръ Типулинскій обвиняетъ въ невѣжествѣ едва ли не всѣхъ докторовъ столицы. Гласность! Личность! Не менѣе поразительны и столкновенїя въ новыхъ судахъ: судей съ прокурорами, прокуроровъ съ адвокатами. Конечно, этого надобно было ожидать. Незапная и

широкая гласность застала общество въ расплохъ и когда хромой чертъ открылъ всѣ крыши, весь муравейникъ переполнился. Любопытная, поучительная эпоха!

Въ Петербургѣ производилось дѣло о дворянинѣ, коллеж. ассесорѣ Петровскомъ и крестьянинѣ Прокофьевѣ, сужденныхъ за ложный доносъ объ оскорбленіи Величества парикмахеромъ Фроловымъ. Процессъ замѣчательнъ не тѣмъ, что по пустому событію (спору пьяныхъ въ трактирѣ: играть или не играть гимнъ, „потому, что ночью царя нѣтъ“) дали значеніе и что прокурорская власть такъ неловко признала это доносомъ объ оскорбленіи Величества и передала суду ложныхъ доносчиковъ. Доносами не шути! Нѣтъ, дѣло замѣчательно символическимъ значеніемъ имени гр. Муравьева и эксплуатаціей Поляковъ. Доносчики, Прокофьевъ и Смирновъ, ворвалкъс къ Петровскому, называя себя слугами гр. Муравьева, Смирновъ камердинеромъ, Прокофьевъ—кучеромъ, требовали угощенія, грозили, если не пойдеть, доносить на Фролова. Судъ оправдалъ. Но суду слѣдовало, безъ суда, прекратить дѣло въ распорядительномъ засѣданіи. Правда, оно производилось все время слѣдствія надъ Каракозовымъ; я понимаю тогдашнюю неловкость въ прокурорѣ, но не понимаю теперешняго суда, производившаго дѣло, за которое не за что ударить и кошки.

Май. Пробужденіе Славянства есть послѣдствіе нашихъ либеральныхъ реформъ и ослабленія Турціи и Австріи. Да единство Германіи дало газетной фразѣ: Drang nach Osten особенное значеніе. Вчера въ Прагѣ играли и пѣли „Боже царя храни“, сегодня тамъ митингъ 20 т. человекъ, требующій независимости Чехіи, завтра закладка національнаго театра, съ депутаціями отъ всѣхъ племенъ*). За Романскимъ и Германскимъ мірампъ встаетъ Славянскій. Послѣ Римской государственности и Германской индивидуальности, показывается на свѣтъ Славянская общинность, демократія—пожалуй—коммунизмъ. Нигдѣ, въ массѣ народа, эти понятія не выражаются съ опредѣленностію обычая и учрежденія, какъ у насъ, въ народѣ Русскомъ. Начало 19 Февраля 61 года мы провели и въ Польшѣ. Далекое ли и далѣе? Повидимому далеко, потому что мы не рѣшились примѣнить это начало даже въ Балтійскихъ губерніяхъ. Далекое—повидимому. Въ дѣйствительности,

---

*) Изъ статьи проф. Попова, читанной сегодня въ Обществѣ любит. Словесн. видно, какихъ усилій стоило Чехамъ, чтобы въ теченіи 30—40 лѣтъ (Нѣмецкое постоянство!) собрать какія нибудь 350 т. гульденовъ. А Богемія считается лучшею провинціей—жемчужиной Имперіи. Национальный театр! Полно такъ-ли? Если бы Бейсть геніально уступилъ митингу и даровалъ Славянамъ общій сеймъ, подобно Венгерскому, Славяне съѣхались бы, какъ въ 1848 и у насъ, 1867 г., и стали бы говорить національныя рѣчи и между собою—по нѣмцки.

это Славяно-русское начало должно объять всю Европу. Германская индивидуальность (безнаслѣдственность) и Русская община (безсобственность) должны служить основаніемъ современнаго развитія человѣчества. Я желалъ выразить это въ небольшой статьѣ „Позднѣйшіе годы“, напечатанной въ (третьемъ) „Утрѣ“ Погодина, писанной еще въ 1858 г. Поэтъ (Тютчевъ) предвѣщаетъ:

Онъ живъ—Верховный Промыслитель,
И судъ Его не оскудѣлъ....
И слово „царь-освободитель“
За Русскій выступитъ предѣлъ!

Но гдѣ центръ Славянства? Въ Россіи. Покоривъ Азію, сливъ съ собою, послѣ 500 лѣтняго спора, Польшу, Россія есть истинная, могущественная представительница Востока, Славянскаго міра, Славянскаго моря, на которомъ виднѣются два острова: Венгрія и Греція, готовые покрыться Славянскими волнами. Дайте этой массѣ образованности, образованности, образованности.

Гимназистъ Витольдъ Горскій (18 л. 8 мѣс.), убійца семейства Тамбовскаго купца Жемарина (см. выше) осужденъ на смерть, чрезъ повѣшеніе. Я остановлюсь на этомъ дѣлѣ, подобнаго которому я не знаю ни въ древней ни въ новой исторіи. Оно невѣроятно, почти невозможно, а между тѣмъ оно дѣйствительно совершилось. Вотъ что *показываетъ преступникъ*. Наконецъ 1 Марта рѣшился совершить преступленіе: убилъ сына Жемарина (10 лѣтъ), хотѣлъ на этомъ остановиться; но опасность открытія и боязнь наказанія взяли верхъ: я отнесъ трупъ мальчика въ кабинетъ и нанесъ ему еще нѣсколько ударовъ. Потомъ, подъ предлогомъ случившагося будто бы у сына Жемарина кровотеченія, я вызвалъ мать Жемарина и пропустивъ ее чрезъ корридоръ, выстрѣлилъ въ нее сзади и убилъ. За тѣмъ я позвалъ вмѣстѣ дворника и кухарку: дворникъ пошелъ въ чайную, я выстрѣлилъ въ него, и вѣроятно кухарка это видѣла. Я сдѣлалъ по ней два выстрѣла, но не убилъ; она побѣжала на дворъ, я воротилъ ее, она вырвалась изъ моихъ рукъ, побѣжала въ чайную и споткнулась на трупъ дворника; здѣсь я ее добилъ кистенемъ. Придя въ залу, я только что успѣлъ зарядить револьверъ, какъ пріѣхали Жемарина съ сыномъ, горничная и кучеръ. Убивъ трехъ (четырехъ), я поневолѣ долженъ былъ убить и остальныхъ. Я сталъ въ углу, и только Жемарина взялась за ручку двери отъ чайной, я выстрѣлилъ въ нее, потомъ прицѣлился въ горничную, но револьверъ не выстрѣлилъ и убилъ горничную полѣномъ, а другимъ полѣномъ убилъ меньшаго сына Жемарина“. (Господи!) *Жемаринъ показалъ: Я, не слушая полиціи, бросился въ комнату и прямо наткнулся на трупъ. Я закричалъ: убиты! кинулся по корридору въ столовую*

искать спичекъ, но не нашелъ ихъ, упалъ въ обморокъ. Не знаю, когда принесли огонь, я очнулся и увидѣлъ еще два тѣла, дворника и кухарки. Собравшись съ силами, я бросился искать свое семейство, вхожу въ кухню и вижу: жена моя сидитъ мертвая, трупъ ея уже застылъ, а 4 лѣтній сынъ мой плаваетъ въ крови и стонетъ; я схватилъ его, сталъ растегивать шубку, прижалъ его къ себѣ, потащилъ въ дѣтскую; я надѣялся, что спасу хоть его. Потомъ я увидѣлъ трупъ матери, бросился въ кабинетъ: тамъ на полу лежалъ весь изуродованный, весь закоченѣлый старшій сынъ мой“. (Какъ это выдерживаетъ человекъ такіа страсти!). *Няня Кулешева заключила свое показаніе*: Это была просто настоящая бойня! Какъ Господь имѣлъ терпѣніе! Кровь вездѣ налита, всѣ избиты, живаго мѣстечка нѣтъ! (Изъ подробнаго письма Гартинга). („Судеб. Вѣстн.“ № 96—98). Ни грабежа, ни личнаго мщенія тутъ нѣтъ. Это изуверство Польскаго фанатизма. Какое преступленіе! Какая преступность! Невѣроятно!

Все это время я очень боялся за жену. Продажа Рябинокъ и продолжительная болѣзнь Екатерины Ивановны Елагиной давятъ ее. Она поддерживается только своими обязанностями. Слава Богу, открылась весна. Мы ожидаемъ обрученныхъ, ожидаемъ старушку Симанскую. Думаемъ ѣхать къ Сергію. Ожидаемъ переѣзда въ Петербургъ. Боже мой, какъ все непрочно и скоротечно!

Въ половинѣ 3 часа сего 6 Мая родился Великій Князь Николай Александровичъ, Наслѣдникъ Наслѣдника Цесаревича. Общая радость, общее участіе, общая надежда. Да сохранить и возраститъ Господь царственнаго младенца! И природа и вся земля Русская празднуютъ его рожденіе. Да внушитъ Богъ дѣду не бросать награды и народнаго достоинства мятежнымъ царедворцамъ, а облегчить народъ уменьшеніемъ податей, его гнетущихъ, и ввести бережливость, простоту и страхъ Господень въ жизнь народную конца XIX столѣтія, когда появится на сценѣ свѣта будущій Николай II-й. Общая радость, легенда о Дагмарѣ и загробной помолвкѣ, о царевичѣ Николаѣ во всѣхъ устахъ. Въ очію совершается какая-то древняя Датская свѣтлая сага!

Ну, кажется, тарифная агитація кончилась. Протекціонисты разбиты на голову; фактическая, продолжительная рѣчь Тьера и наши сильные, грубые доводы Шиповыхъ, Чугуновыхъ, Колюпанова, Красильникова, Полетики и проч. не отвергли того простаго математическаго факта, что, не смотря на пониженіе тарифовъ, во Франціи и въ Россіи, сближеніе мѣстныхъ рынковъ съ общимъ, всемірнымъ не препятствовало развитію народнаго труда, усиленію производительности и удешевленію благосостоянія. Прогрессъ господствуетъ. Но полно такъ-ли? Не приимаемъ-ли мнимое за дѣйствительное? Не смѣшиваемъ-ли движимаго

(Перейра) съ поземельнымъ (гр. Бобринскій) и достаточно-ли вникаемъ въ требованія закона взаимности?

Revue des deux mondes напечатало новую статью объ Александрѣ II, 1866 и 1867 годовъ, того же de Masad'a и прежняго содержанія. Статья правдива и достовѣрна. Она рассказываетъ подробности Петербургскихъ партій съ точностію Петербургскаго столоначальника, съ безпристрастіемъ Остзейца и съ легкими прибавками Француза. Разумѣется, главною цѣлію статьи служатъ Катковъ и ультра-русская партія, для которой посягательство Карагозова—нигилизмъ, а Березовскаго—полонизмъ, послужили только ступенями къ вѣщшему возвышенію и утверженію знамени, на которомъ Катковъ начерталъ „обрусеніе, а Николай Милютинъ: „Демократія и Царь“, степь и въ степи одна башня. Я несколько не сомнѣваюсь, а совершенно увѣренъ, что это писано барономъ Фирксомъ (Шедоферотти) по матеріаламъ, доставленнымъ изъ Петербурга. Статья пахнетъ Фирксомъ, его тенденціи, его пошибъ. Но—повторяю—много правды и достовѣрности. Она не лестна для Государя, повинующагося тѣмъ, qui lui épargnent la peine de penser et d'agir, не лестна вообще для Россіи, которая представляется хранительницею социализма, нарушительницею правъ собственности и договоровъ (Остзейскихъ) съ Азіатскою самоувѣренностію и невѣжественнымъ пренебреженіемъ къ гнилому Западу. Но—повторяю—правдива и достовѣрна. Статья Мазада запрещена цензурою, но вырѣзки ея довольно свободно обращаются въ обществѣ. Какое можетъ быть запрещеніе при свободѣ печати, съ желѣзными дорогами и безъ паспортовъ?

Сегодня разбиралось (въ третій разъ) дѣло о студентахъ, шумѣвшихъ на представленіи „Жизнь за Царя“ 14 Ноября 1867 г., Итакъ, болѣе полугодомъ. Болѣе полугодомъ таскаютъ въ посмѣяніи Московскую полицію и генераль-губернатора, представляемыхъ и обвинителемъ (поручикъ Базилевичъ, а главныя лица: полковники Поль и Врубель предстали лично) и защитникомъ (кандидантъ Зоринъ) въ самомъ шутовскомъ видѣ. Шалуны, восемь разъ вызывавшіе Оноре (она превосходно играетъ Ваню и постоянно участвуютъ въ концертахъ въ пользу студентовъ), конечно оправданы, и дѣйствительно трудно приложить законъ уголовный, гдѣ примѣнимы только приличіе, тактъ и благовоспитаніе, довольно чуждые нашей театральной публикѣ. Обвинить студентовъ, по закону, нельзя. Это неистовство криковъ, аплодисментовъ и незаконныхъ вызововъ надобно терпѣть. Законъ не запрещаетъ, общественная среда попускаетъ, генераль-губернаторъ и полиція тутъ ни при чемъ. Но маленькій процессъ этотъ, въ моихъ глазахъ, разрастается въ цѣлую драму. Это борьба и побѣда школьнаго общества въ схваткѣ съ высшимъ Московскимъ начальствомъ, побѣда студентовъ

надъ полиціей, пожалуй, каприза надъ властію, произвола надъ авторитетомъ. Знаменіе времени—скажетъ старикъ; послѣдствія радикальныхъ реформъ, прибавитъ пессимистъ. Скорѣе, объясню я: слѣдствіе распущенности молодежи, этихъ Діатроповыхъ, Сипягиныхъ и др., и глупыхъ представителей авторитета и власти, какъ наша Московская полиція (Н. У. Араповъ) и ея главный начальникъ, улианный куафѣромъ и унианный звѣздами генераль-губернаторъ.

Надобно ожидать взрыва. Накопилось горючихъ матеріаловъ; неустанно работаютъ революціонныя силы: на Западѣ—Наполеонъ, попирающій Италію и опасаящійся войны съ Германіей; на Востокѣ—Россія, вызывающая Славянъ къ возстанію и на Московской выставкѣ и на открытіи Парижскаго театра и въ Пештѣ, и въ Бѣлградѣ. Надобно ожидать взрыва въ Италіи и на Дунаѣ. Рѣчи Наполеона въ Орлеанѣ и Руанѣ, рѣчь о государственномъ совѣтѣ не отведутъ удара. Гроза должна разразиться. Да и пора. Вооруженіямъ конца нѣтъ. Вызывы безпрестанные. Тутъ кронъ-принцъ триумфально встрѣчается итальянцами; здѣсь принцъ Наполеонъ ѣдетъ по жгучимъ линіямъ Дуная. Австрія почти уничтожена, Франція унижена. даже блескомъ Абиссинской экспедиціи, Турція не можетъ справиться съ Критомъ! Россія въ центральной Азіи затрудняется легкостію завоеваній и опредѣленіемъ границы этой нескончаемой степи ханствъ полудикихъ. Надобно, чтобы начало національности осуществилось во всей полнотѣ и чтобы началось развитіе новаго принципа владѣнія и новой церкви.

Государь, то ѣдетъ за границу, то въ Ильинское, то по Россіи. Москва и о Наслѣдникѣ съ Цесаревной говоритъ тоже. Поѣздка за границу всегда тяжело отзывается на сердцѣ. Нѣтъ полной безопасности и внутри имперіи, возбужденной радикальными реформами. За границей это возбужденіе, пропитанное фанатизмомъ партій, особенно Польской немочью, не сдерживается и тою малою долею личной преданности, которую называютъ народною любовью къ царю-освободителю. Говорятъ, королева Ольга писала Императору, чтобы онъ не ѣздилъ за границу, что разсѣянные повсюду Поляки, общее возбужденіе умовъ въ Германіи и даже Остзейскій вопросъ (вопросъ!) представляютъ (по крайней мѣрѣ, для любящихъ сердца) много опаснаго въ дерзкихъ манифестаціяхъ и безумныхъ посягательствахъ. Въ воздухѣ пахнетъ опасностію. Страшное время. Анна Аксакова получила письмо отъ великой княжны, что они ѣдутъ около 15 Юня, что этого требуютъ медики.

Убіеніе князя Михаила въ Бѣлградѣ! Какое поразительное событіе! Какъ оно близко намъ, такъ вызывавшимъ Славянъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, къ самостоятельности. Не начало ли это Восточнаго

вопроса? Не начало ли это движенія Славянъ? Готовы ли они? Или случайности партій, или ложныя надежды на Россію. Осмотримся.

Іюнь. Въ чаду нашихъ радикальныхъ внутреннихъ преобразованій, съ непривычки, по новости дѣла, много было сказано, напечатано и сдѣлано Славянамъ, особенно Чехамъ и Сербамъ, безъ такта, голословно и преждевременно. Если убійство Михаила Обреновича есть дѣйствіе крайней партіи движенія, наши газетные вызовы много тому способствовали. Даже нынѣшняя телеграмма „да здравствуетъ свободная Сербія“, говорить: воюйте за независимость! Да. Но поможемъ-ли мы? Подождемъ. Осмотримся.

Глубоко возмущенъ я былъ глупою, невѣжественною рѣчью прокурора Мотовилова по дисциплинарному дѣлу о секретарѣ Кѣхновѣ, дѣлу, которое не стоить выѣденнаго яйца и возможно только при школьническомъ составѣ нашихъ судовъ. Но что значить эта рѣчь въ сравненіи съ рѣчью прокурора Тизенгаузена, сей часъ мною прочтенною, по дѣлу о Павленковѣ, перепечатавшемъ нигилистическія статьи Писарева „Донъ Кихоть“ и „Бѣдная Мысль“, появившіяся, съ дозволенія цензуры, въ 1862 г. въ „Русскомъ Словѣ“ графа Кушелева-Безбородко? Статьи эти, написанныя съ смѣлостію всезнающаго школьника, Тизенгаузенъ, не насмѣхаясь, признаетъ „явнымъ нарушеніемъ общественной благопристойности“. При такомъ составѣ нашихъ новыхъ судовъ едва ли заслужать они прочное довѣріе общества. Высшее общество, по крайней мѣрѣ, смущено ихъ дерзкими, самонадѣянными порядками. Частые, грубые промахи, масса дѣлъ затѣваемыхъ и потомъ прекращаемыхъ ими, и гласность производства дѣлъ неприличныхъ (какъ дѣвицы Баронъ, скандалезные роды которой рассказывались и распечатывались на всѣ манеры) лишаютъ ихъ серьезнаго довѣрія нашего высшаго общества, и дѣйствительная польза новаго суда, при этихъ условіяхъ, чувствуется и цѣнится развѣ нашими демократами и журналистами. Положимъ, Мотовиловъ въ своемъ заключеніи хотѣлъ (правовѣдъ) смять, уничтожить Громницкаго (университетскій), прокурора Окружнаго Суда, по антагонизму, а Тизенгаузенъ былъ связанъ требованіями цензурнаго управленія; но ни то, ни другое не уполномочивали ихъ идти до тѣхъ преувеличеній, которыя въ устахъ представителей прокуратуры возбуждаютъ сомнѣнія и опасенія о всей реформѣ въ умахъ спокойныхъ и чуждыхъ односторонняго увлеченія. Молодость, невыдержанность и заносчивость личнаго состава нашихъ новыхъ судовъ суть главные недостатки ихъ, и ошибочныя дѣйствія министерства, препятствующія водворенію довѣрія и уваженія къ суду и увѣренности въ правѣ и правотѣ въ нашей публикѣ, въ лучшей части Русскаго народа.

Сегодня, 11 Іюня, дорогой мой Дмитрій блестящимъ образомъ кончилъ свои экзамены, какъ *первый* ученикъ 4 класса частной реформатской гимназіи Цима, и сегодня же я отвѣчалъ министру юстиціи, что съ своей стороны не имѣю никакихъ препятствій къ перемѣщенію меня въ кассационный департаментъ. Жена очень обрадована и идетъ къ Иверской. На дняхъ мы будемъ у Сергія. Пора начать серьезное ученіе моему юношѣ. Пора кончиться и Московскому сидѣнью, продолжающемуся пятый годъ. Я долженъ однако замѣтить, говоря о первомъ ученикѣ, что требованія школы очень умѣренны, и успѣхи ея достигаются безъ тѣхъ усилій, которыя дѣлалъ я въ этомъ возрастѣ, я, отличавшійся особенною памятью (способностію наиболѣе въ этихъ классахъ требуемую). Правда, Дмитрій приготовленъ лучше, имѣвъ дорогихъ учителей до 12 лѣтъ и пользуясь ихъ помощію и въ продолженіе своего курса. Благодарю Бога за прекрасныхъ дѣтей. Вообще Московское заточеніе въ отношеніи здоровья и развитія дѣтей было весьма полезно. Перемѣщеніе дѣлается въ время. Дмитрію предстоятъ постепенныя занятія, и моя музыкантка (*mes délices*) требуетъ лучшаго наставника. Дай, Господи, только здоровья!

Опять пожары. Выгорѣлъ Динабургъ, выгорѣло с. Иваново, сгорѣла Кунавинская слобода! Выгорѣлъ и Любекъ! Пожары въ Осташковѣ, въ Слуцкѣ,—что за бѣдствія! А холодное лѣто грозитъ неурожаями. Старческія опасенія. Ихъ навѣяли „Вѣсть“ и ея Лиліенфелды и Обуховы. Преобразованія тяжки, но движеніе есть, несомнѣнно. Они оскорбляютъ старыя привычки, даже старыя права, особенно старыя привиллегіи; но они пробуждаютъ сознаніе, чувство долга, отвѣтственности и взаимности. Пожары, война и морь, мы вынесемъ все; такъ предустановилъ Богъ, и человѣку того не перемѣнить. А бѣдствующихъ много. И самая „Вѣсть“ иногда несовсѣмъ не права.

Я приписываю эти бѣдствія не столько реформамъ, сколько реформаторамъ, ихъ незапности, радикальности и непрактичности.

Петербургскіе и Симбирскіе пожары насъ не научили. Пора ввести общественное городское управленіе; безъ него и с. Иваново, преобразовавшись въ городъ, не спасется со всѣми трубами, имѣющимися при всякой фабрикѣ.

Общій ропотъ въ Москвѣ, и за Москвою, на Государя за отдачу Николаевской дороги *Французскому* (главному, *la grande*) обществу Русскихъ желѣзныхъ дорогъ, едва ли основателенъ. Объясняютъ эту уступку тѣмъ, что императорская фамилія заинтересована въ дѣлѣ взятыми на нѣсколько милліоновъ акціями и облигаціями. Можетъ быть. Но не естественно-ли передать часть (600 верстъ) цѣлому (6,000 верстъ), дѣйствительному, организованному и (это и значительно) упа-

дающему? Отдавая выгодную линію главному обществу, правительство избавляется отъ ежегодныхъ приплатъ (гарантій) и получаетъ право надѣяться (довольно дешевое право) надѣяться на улучшение Николаевской дороги, доведенной почти до негодности. Она перевозитъ дурно, задерживаетъ транспорты и стоитъ до 60% выручки. Переменная управленія была необходима, и графъ Бобринскій, новый, дѣятельный товарищъ лѣниваго министра (Мельникова) имѣлъ основаніе представить Государю объ улучшеніи дорогою цѣною—чѣмъ? Поддержаніемъ падающаго Главнаго Общества, въ которомъ и онъ, графъ Бобринскій, и члены императорской фамиліи такъ заинтересованы. Общій ропотъ въ Москвѣ понятенъ. Члены Московской компаніи забрались залогомъ и, не получивъ дороги, заплатили только огромные проценты.

Сербская катастрофа разъясняется участіемъ прежнихъ князей Карагеоргиевичей. Я полагалъ, что тутъ замѣшана демократическая, радикальная партія дѣйствія, въ поощреніи которой я такъ много обвиняю наши провокаціонныя статьи и телеграммы. Старикъ Карагеоргиевичъ протестуетъ, но изъ показаній подсудимыхъ очевидно, что Карагеоргиевичи или партія ихъ или подъ именемъ ихъ участвовали въ дѣлѣ и желали низверженія Обреновичей. Избраніе министерствомъ Милана съ регентствомъ, утвержденное скупщиной, едва ли удержитъ порядокъ, хотя скупщина учреждаетъ конституцію, гласный судъ и свободную печать. Самое это учрежденіе есть начало революціи, и не юношѣ (14 лѣтъ) сдержатъ ее, и не регентству, сборному и всегда многимъ неправившемуся (министерству) устоять противъ напора неучей и прорвавшихся національныхъ стремленій. Скупщина—это стадо барановъ, министры (теперь регенты) трактуютъ ихъ какъ хотятъ, и Сербская интеллигенція не имѣетъ никакого довѣрія и уваженія къ этому собранію. Итакъ временный порядокъ утвержденъ на одностороннихъ основаніяхъ одной партіи, далеко не пользующейся національнымъ авторитетомъ. Вѣроятно теперь порядокъ этотъ поддерживается терроромъ.

Последнія судьбы католицизма сопровождаются плохими знаменіями времени. Глупѣйшіе силлабусы, интердикціи и отлученія, ни для кого необязательныя, приводятъ къ еще менѣе обязательнымъ аллокуціямъ и наконецъ къ созванію въ Декабрѣ 1869 г. вселенскаго собора. Соборъ вѣроятно произнесетъ свой судъ надъ папствомъ. Погубило католицизмъ папство. Послѣ всѣхъ униженій, понесенныхъ отъ консула и императора, папство отдалось въ зависимость императора той же Франціи. Забывая всѣ одолженія Меттерниха, папство, видя распаденіе той же Австріи, легкомысленно и бездѣйственно порываетъ и тѣ слабыя связи неорганическаго устроенія Габсбурговой монархіи, которыя при-

думалъ Саксонскій выходець, чтобы отерочить распаденіе, уже совершившееся при Садовой подъ начальствомъ Венгерца. Папство и знать не хотятъ требованій необходимости. Non possumus. Старческая немощь эта, при обычныхъ натугахъ прежней силы, ведетъ къ смерти. Вселенскій соборъ западнаго христіанства, если послѣдуетъ всѣми ожидаемая смерть Пія IX-го, упразднить папство, какъ государство, поставитъ его подъ авторитетъ собора и оснуетъ національныя церкви. Западная церковь идетъ къ федераціи. Догматическое исповѣданіе падаетъ. Программа убѣжденій разума осуществляется. Искусственность построеній Григоріевъ и Иннокентіевъ обличается. Наступаютъ послѣднія судьбы католицизма. Да и пора. Католицизмъ господствовалъ свѣтскою властію, земными орудіями, формализмомъ. Вселенскій соборъ запечатлѣетъ это паденіе. Онъ постановитъ, возстановитъ или подтвердитъ коренныя догматы, ихъ ни одна (ни одна) держава не приметъ, и папство, католицизмъ, само собою отдѣлится отъ государства, а въ этомъ-то и заключается его смерть. Любопытно, какую роль въ этихъ событіяхъ приметъ духовенство, не раздѣляющее выгодъ духовныхъ магнатовъ и между тѣмъ сосредоточивающее въ себѣ всю силу клерикальнаго элемента. Теперь много говорятъ о предвозвѣщенномъ въ Декабрѣ 1869 года соборѣ и о возможности отмены католическаго (главнаго) догмата о папствѣ. Кромѣ сочиненія Трирскаго канцлера Ник. Гонтгейма, въ прошломъ столѣтіи были болѣе положительныя попытки къ образованію національныхъ церквей, еще независимѣ Галликанской. Эмская пунктація 25 Авг. 1785 г., начатая Кѣльнскимъ архіепископомъ Максимилианомъ, по мысли брата его, Іосифа II-го, подчиняла папу соборамъ. Въ концѣ столѣтія папство потеряло всякое значеніе, и въ Сентябрѣ 1799 г. папская держава, уничтоженная Французами, возстановлена Русскими, Англичанами и Турками.

Извѣстный Французскій публицистъ, Венгерець Горнъ вывелъ балансъ имперіи Наполеона III. И у насъ отъ несовсѣмъ скромнаго Николаевскаго бюджета въ 220 милліоновъ рублей переходъ къ 450 милліонамъ 1863 г. едва ли не лучше Франціи доказываетъ выводъ Горна.

Какъ ни страшно слышать, что Государь ѣдетъ въ чужіе края, но если это должно послѣдовать, какъ бы съ его стороны было высоко и доблестно, при свиданіяхъ, уговориться съ Наполеономъ (онъ главная причина и зло) и королемъ Вильгельмомъ о постепенномъ уменьшеніи войскъ, численность и напряженное состояніе которыхъ въ такомъ радикальномъ противорѣчій съ мирными успѣхами высокой образованности конца XIX столѣтія. Пора положить конецъ этому милитаризму, вызванному, Наполеономъ I-мъ для обузданія революціи и основанія всеобщаго господства. Чтѣ стоитъ Европѣ этотъ устарѣлый порядокъ,

можно справиться у Лярокка: *De la guerre et des armées permanentes. Paris. 1864.* Сочиненіе короновано Англійскимъ Обществомъ мира и заслуживаетъ вниманія государей. Небрежа народнымъ достояніемъ, государи готовятъ республику. Не странное ли это дѣло, что всѣ успѣхи науки, предназначенные для возможнаго благосостоянія чело-вѣчества, устремлены къ изобрѣтенію наиболѣе совершенныхъ орудій истребленія чело-вѣчества. Не странное ли это явленіе, въ концѣ 19 вѣка, что треть, половина народнаго труда, пота и крови, расходуется непроизводительно, губительно, безчеловѣчно!

Желалъ бы я поговорить о митрополитѣ Иннокентіѣ (отецъ Веніа-миновъ, Алеутскій), такъ смиренно принявшемъ кафедру знаменитаго библиста и эзегета, такъ симпатично встрѣтившаго Московскую паству. Архимандритъ Никодимъ привѣтствовалъ его прекраснымъ словомъ, сравнивъ прибытіе его въ Москву изъ отдаленнаго Востока, гдѣ онъ подвизался истинно апостольски, съ пришествіемъ апостола Петра съ Востока въ Римъ. Иннокентій, называя себя безкнижникомъ, вопрошаетъ: „Кто я? И кому наследую?“ и основательно опасается за возможность нарушенія чистоты Православія, возвѣщая благодать и миръ Господа умиленному Московскому народу. Но я еще не познакомился съ преосвященнымъ, хотя многіе изъ товарищей на дняхъ представлялись ему. Поэтому я могу сообщить о немъ только слухи. Слухи о немъ хорошіе. Онъ хочетъ ввести болѣе порядка и разборчивости въ назначеніяхъ по бѣлому духовенству и болѣе строгости и воздержности въ монастыряхъ, особенно въ этомъ матеріалистическомъ, избалованномъ, богатомъ Лаврскомъ монастырѣ Сергіево-Троицкомъ.

11-го Іюля я перемѣщенъ въ кассационный департаментъ. Хочу опредѣлить планъ моего служенія на этомъ *новомъ* поприщѣ. Мы перевели кассацию съ Французскаго. Тамъ она выросла изъ королевскаго произвола, стѣсненнаго немножко наследованнымъ уваженіемъ въ законности судебнаго рѣшенія. У насъ произволь существовалъ порядочный, но уваженія къ судамъ никогда не было. Уваженіе къ судебнымъ рѣшеніямъ основывается на твердости понятія о собственности, котораго у насъ никогда не было и нѣтъ. Это институтъ Римскій, чисто-запад-ный, привитой намъ Нѣмцами или лучше—Нѣмкою. Поэтому я опасуюсь, чтобы наша кассациа не превратилась въ голый формализмъ, довольно ощутительный и во Франціи, но значительно умѣряемый тамъ Французскою говорливостію и распространенною правоспособностію. Я конечно долженъ буду подчиниться доктринамъ уже установившимся въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, подчиниться по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Между тѣмъ два момента въ процессѣ—преданіе суду и предварительный арестъ—моменты существенные, изъяты изъ порядка кас-

саціи. Грубыя ошибки обвинительныхъ актовъ, вводящія въ заблужденіе все судебное слѣдствіе, не подлежатъ обжалованію, хотя бы здѣсь мошенничество принималось за грабежъ, гражданскіе расчеты за обманъ. Арестъ—легко сказать! А при этомъ арестъ могутъ быть нарушены всѣ личныя гарантіи. Потомъ нельзя не обратить вниманія на массу прекращаемыхъ слѣдствій (предварительныхъ). За чѣмъ же тратится трудъ и обезпокоиваются люди? Знаю я, что при стремленіяхъ къ гарантіямъ молодая, наименѣе гарантированная нація, готова на излишнія требованія. Знаю я, что при единствѣ кассации на Русскихъ пространствахъ распространеніе ея не по силамъ человѣческимъ. Но тогда лучше отдѣлать мировую юстицію отъ обще-судебной и обставить только послѣднюю всѣми желаемыми гарантіями, на которыя указываетъ уже и кратковременный опытъ. Посмотрю. Удастся-ли? Мнѣ такъ мало удается.

Съ назначеніемъ 6—8 сенаторовъ въ кассацию, что же будутъ дѣлать генералъ-лейтенанты въ старомъ Сенатѣ, гдѣ ни дѣла, ни департаменты не сокращаются? И это министры! И какъ же жалки, эти генералъ-лейтенанты, озабоченные на старости-то лѣтъ возможностью потери содержанія! И это министры!

Кончился Бѣлградскій процессъ; 14, 15 человѣкъ разстрѣлено. Но какое тяжелое впечатлѣніе оставляетъ на душѣ чтеніе этого полуазиатскаго процесса! Слушая рѣчи и стихи Субботичей на этнографической выставкѣ въ прошломъ году и наблюдая постепенное разложеніе Турціи, мы думали, что Сербія созрѣла до того, чтобы стать во главѣ славянства и низложить мусульманское иго, тяготящее надъ лучшими странами міра, поддерживаемое соревнованіемъ близорукихъ политиковъ, въ даровитыхъ и многочисленнѣйшихъ племенахъ Славянъ и Грековъ. Увы! Въ Сербіи столько же невѣжества, сколько и бѣдности. За какуюнибудь тысячу дукатовъ Карагеоргиевичей какой-нибудь несчастный адвокатъ Павелъ Радовановичъ собираетъ дешевую шайку банкротовъ, почти бродягъ, и самымъ варварскимъ образомъ эти бродяги, безъ цѣли, безъ побужденій, вопреки національныхъ стремленій убиваютъ любимого народомъ князя Михаила, звѣрски уродуютъ его, уже убитаго, убиваютъ сестру, племянницу, адъютанта, лакея... Господи! И изъ среды такой передовой страны могли явиться подобные изверги и въ средѣ своей могла имѣть такихъ субъектовъ передовая Сербія, стремящаяся стать во главѣ Балканской имперіи. Варварское владычество не просвѣщаетъ, и только подъ Турецкимъ владычествомъ возможно такое злое, бессмысленное и грубое преступленіе какъ убійство Михаила Обреновича. Процессуальность и участіе общества обнаруживаютъ такое же невѣжество, неразвитость и грязную Азіатскую грубость. Какая это

нація, чтобы стать во главѣ политическаго движенія и дать прочные элементы для образованія великаго государства? Судь ругается, публика дерется. Азія!

Сейчасъ я отъ министра юстиціи, графа К. И. фонъ-дербъ-Палена. Дайте образумиться. Это какой-то аптекаръ Schneidergeselle. Министра въ немъ ни на вершокъ. Онъ же не умѣетъ и говорить, Нѣмецъ этотъ Остзейскій. Вступивъ въ службу въ 1854 г., онъ министръ, тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь и Станиславъ. Голова у Нѣмца закружилась и кружится до сихъ поръ. Чтò это за министръ? Я иначе понять не могу это назначеніе какъ желаніемъ за подписью Остзейца провести Русскія реформы въ Остзейскомъ краѣ. Образумиться не могу. И этакимъ людямъ вѣрены судьбы Россіи! И это наши государственные люди! Впрочемъ, при Нѣмецкой добросовѣстности, при университетскомъ просвѣщеніи, ранній государственный опытъ можетъ быть и выработаетъ изъ него настоящаго министра, высокое званіе котораго теперь ставитъ молодаго человѣка совершенно въ ложное положеніе. Онъ не вѣритъ, что онъ министръ, а между тѣмъ онъ есть. Онъ и торопится и зарпортовывается и хохочетъ. При дурной рѣчи Русской, все это очень смѣшно. Если его назначила партія (говорили: Валувъ-Шува-ловъ), то надобно имѣть очень узкія воззрѣнія, чтобы остановиться на гр. Паленѣ. Я останавливаюсь на томъ, что этотъ Остзейецъ выбранъ Государемъ для Русскихъ реформъ въ Остзейскомъ краѣ. Вѣдь выбралъ же Государь графа Панина для освобожденія крестьянъ.

Какія страшныя преступленія оглашаются неопытному слуху непривычною гласностью, событія небывалыя, какъ бы ненормальныя. Я объясняю это тремя причинами: во-первыхъ, нашею бѣдностію вообще. Мы всегда жили и живемъ не по средствамъ, всегда распущенно и въ долгъ. Съ радикальными реформами эта распущенность крайне увеличилась. Во-вторыхъ, Петербургская расточительность. Москва и за нею Россія смотрять на Петербургъ какъ на образецъ, на идеаль, а образецъ этотъ утопаетъ въ роскоши непомѣрной, наводняетъ страну ассигнаціями, заключаетъ новые и новые долги, раздастъ государственныя имущества, сыплеть гарантіи и возвышаетъ подати, уменьшая, убивая національную производительность, и все это, чтобы вызвать расточительность Петербургскихъ чиновниковъ, обложенныхъ, какъ чудотворныя иконы, огромными золотыми окладами. Это соблазнъ и скандалъ. Расходы на государственныя учрежденія въ десять лѣтъ увеличились на 300%, и бросаніе денегъ г.г. Бутковыми, Гернгроссами, Врангелями и проч. и проч. возмущаютъ самое крайнее снисхожденіе. Въ третьихъ, обнищаніе народа отъ непомѣрно тяжкихъ и все увеличивающихся податей. Искусственные заработки на желѣзныхъ дорогахъ поощряютъ

только пьянство. Малые заработки земледѣлія и фабричности находятъ мало поощренія, и въ виду пониженія нынѣ обнародованнаго тарифа національный трудъ едва ли не уменьшить еще болѣе сферу своей дѣятельности. Итакъ, бѣдность, распущенность и расточительность, вотъ главныя причины ненормальныхъ современныхъ явленій. Многомѣстный голодъ, частые обширные пожары, Сибирская язва и общее броженіе къ переселеніямъ на Кавказъ, на Амуръ, въ Крымъ.

Исторія расскажетъ, какъ уживается нашъ абсолютизмъ съ нашею гласностію. Абсолютизмъ порядочный, все еще Николаевскій, своенравный и расточительный, гласность большая, запальчивая, невоздержная. Достаточно было огласить недостатки, бездѣйствіе какого-нибудь администратора, чтобы администрація дала ему награду, чинъ, повышение. Князь Дмитрій Друцкой огласилъ бездѣйствіе Пензенскаго управленія, г. Валуевъ даетъ губернатору Александровскому чинъ и кресло въ Совѣтъ. Только огласили „Москов. Вѣдомости“ о безпорядкахъ Московскаго почтамта, г. Тимашевъ даетъ почтъ-директору Инсарскому чинъ тайнаго совѣтника. А въ дѣйствительности (говорять) Александровскій купилъ повышение, а за Инсарскаго просилъ князь Барятинскій. Тайный совѣтъ. членъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Ржевскій написалъ нѣсколько передовыхъ статей въ „Москов. Вѣдомостяхъ“ (о голодѣ, о почтовомъ управленіи), и Тимашевъ передалъ ему, что въ его министерствѣ нѣтъ для него мѣста. Въ мелкихъ мѣстахъ, особенно въ сѣверо-западномъ краѣ, такихъ столкновеній печати и администраціи множество. Виленскій губернаторъ Шестаковъ счелъ нужнымъ даже окружно предписать чиновникамъ, чтобы они не оглашали въ печати дѣйствій администраціи. Циркуляръ темноватый и глуповатый.

Только что прочелъ „Воспоминанія изъ Мексики“ д-ра Баша. Это жалкая исторія жалкаго императора жалкой Мексиканской имперіи. Всему виною самъ Максимилианъ, его неприготовленность эрцгерцогская, его нерѣшительность Австрійская, его идеальность Нѣмецкая. Уже самое согласіе на предположеніе Наполеона о монархіи въ Америкѣ (планъ о Романскомъ могуществѣ, планъ грандіозный, но мечтательный, исходящій отъ авантюриста) доказываетъ непрактичность Мирмарскаго обитателя. Положеніе отчаянное. Шарлотта отправляется въ Европу упрашивать Наполеона. Съ отъѣздомъ императрицы положеніе Максимилиана дѣлается невыносимымъ. Тутъ начинаются „Воспоминанія“ Баша. Какая шаткость, какое исканіе предлоговъ, какая оффиціозная ложь! И этакіе люди думаютъ и берутся возродить націю! Нечего тутъ сваливать вину ни на Маркеца, ни на патера Фишера, ни на измѣну Лопеса. Рѣшившись въ Оризабѣ оставить Мексику, Максимилианъ, подъ вліяніемъ негодованія (вполнѣ основательнаго) къ Французамъ (кото-

рыхъ своевольства и хищничества дѣйствительно изумительны) совершенно предается консервативамъ, т. е. ретроgrадамъ, ничтожному меньшинству, и возвращается въ Мексику. Ну, тутъ и оставайся, въ столицѣ, во главѣ государства. Демократія преобладаетъ во всей странѣ, Максимилианъ держится консерваторовъ, поповъ, отстанвающихъ свои узкіе интересы. Здѣсь, *кажется* въ Мексикѣ, составляется заговоръ Маркеца, Жуарена и Лопеса. Максимилиана убѣждаютъ стать во главѣ арміи, и онъ отправляется въ Кверемаро и погибаетъ. Лучше бы онъ погибъ въ какой нибудь схваткѣ, безъ всѣхъ униженій полона, безъ глуповатыхъ попытокъ побѣга. Срамъ подчиненія Французамъ, срамъ возвращенія въ Европу поставили Максимилиана въ безвыходное положеніе, и онъ долженъ былъ погибнуть и погибъ жертвой Мирамарской необдуманности и Мексиканской нерѣшимости. Изданіе этой книги, вовсе не лестной для императора Наполена, конечно не будетъ содѣйствовать сближенію двухъ имперій. Особенно ярко выставлено корыстолюбіе и самовольство Французовъ въ Мексикѣ и особенно ярко обрисованъ маршалъ Базенъ (Смотри стр. 15, 17, 20, 94, 156, 155, 173).

Іюль. Собираясь оставить Москву, мнѣ бы хотѣлось оставить память о себѣ въ любезной первопрестольной. Мнѣ хочется положить основаніе приходской (Іоанна Богослова) церкви и Московскаго Юридическаго общества бібліотекамъ изъ моей бібліотеки. Большаго труда мнѣ стоило сбыть съ рукъ пожертвованныя книги. Письма къ президентамъ написаны были 5 Сентября, а до 10, день моего сегодня отъѣзда, объ отвѣтахъ не было ни духа, ни слуха. Мое послѣднее Москвѣ слово: безопасность, распущенность.

Я въ Петербургѣ. Съ Марта 1864 г. не видалъ я этого красавца. Онъ похорошѣлъ, сдѣлался чище, умывается раза три въ день. Онъ собираетъ съ Россіи утроенную подать и всю или почти всю употребляетъ на себя, на свои Европейскіе порядки, оставляя въ Москвѣ и за Москвою грязь, невѣжество и бѣдность. Пріѣзжему изъ Московіи совѣстно глядѣть на этотъ блескъ, на эту Европейскую дѣятельность, на эти богатства, собираемыя со всей Россіи. Поживя вдаль отъ двора, министерствъ и гвардіи, пріѣзжій изъ Московіи удивляется чудеснымъ успѣхамъ своей столицы, у которой нѣтъ ничего общаго съ остальною Россіей. Здѣсь, въ централизаціи, менѣе замѣтны или совсѣмъ незамѣтны и нечувствительны недостатки мѣстнаго, мелкаго управленія. Всѣ стремленія въ Петербургѣ направлены по одной дорогѣ, по дорогѣ личныхъ выгодъ, получить хорошее мѣсто, хорошій окладъ, хорошую аренду. Разобраны-ли дѣла въ Московской палатѣ, никому дѣла нѣтъ. Должны быть разобраны. Почему дворянинъ Орловъ съ 14 Мая, когда послѣдовалъ указъ, до 20 Іюля, когда я говорилъ объ этомъ дѣлѣ съ мнни-

стромъ, не былъ освобожденъ изъ подъ стражи, никто не даетъ себѣ труда справиться. Между тѣмъ существенные интересы, личность и собственность гражданъ страждутъ, пищать въ тихомолку въ Москвѣ и за Москвою. Спекуляціи на постройкахъ желѣзныхъ дорогъ даютъ бюрократіи большія прибыли, и съ ея помощію земскіе люди эксплуатируютъ гарантіи земства. Раздача мѣстъ—оброчная статья своего рода. Одно хорошо въ Петербургѣ: не видишь Русской провинціи съ ея грязью и пьяною обстановкой; не слышишь жалобъ безсильныхъ угнетенныхъ, а все шито и крыто. Исполняй свое дѣло и живи покойно. Грустное впечатлѣніе сдѣлалъ на меня Петербургъ, и мнѣ кажется онъ имѣетъ преимущества и пользуется ими не по заслугамъ. Для Россіи хороша столица, а Москва—большая губернія. Петербургъ ей не по плечамъ.

Августъ. Послѣ Невскаго проспекта у Аничкина моста въ Петербургѣ и Тверскаго бульвара въ Москвѣ, по назначеніи меня въ кассационный департаментъ, я поселился въ Коломнѣ, въ Большой Мастерской, въ домѣ Печаткина, въ небольшой квартирѣ, въ пяти комнатахъ, цѣною 750 р. въ годъ, съ хозяйскими дровами. Эта часть города, воспѣтая Пушкинымъ, напоминаетъ губернію и ничего не имѣетъ общаго съ бѣшеною дѣятельностію Невскаго, Морскихъ и Садовой. Здѣсь нѣтъ ни одного магазина, ни извозничьей биржи, и поваръ жалуется на бѣдность рынка. Мнѣ всегда были противны роскошь и довольство въ виду крайней нищеты и бѣдствій, почти повсемѣстныхъ, въ виду сушасшедшихъ расходовъ какого нибудь Врангеля или Гернгросса и вообще наглаго Петербургскаго чиновничества, любящаго пожить на счетъ казны, на счетъ déficit'a, такъ возрастающаго отъ непомѣрныхъ государственныхъ расходовъ. Потомъ, серьезныя занятія дѣтей требуютъ тишины и большаго уединенія. Потомъ, надобно сократить издержки по дому и хотя по немногу откладывать бѣдной Наташѣ, хотя бы всѣ называли ее безприданницей. Потомъ, меня раздражаютъ этотъ блескъ, этотъ шумъ, этотъ гвалтъ посреди питающаго, голодающаго населенія Имперіи. Вся эта Европейская цивилизація представляется мнѣ какимъ-то бѣльмомъ, изъ за котораго не видно настоящаго положенія дѣлъ и людей. И я поселился въ Коломнѣ. 28 Августа. Среда.

Сентябрь. Вотъ я присутствую и въ кассационномъ сенатѣ. Должно замѣтить, что здѣсь собранъ цвѣтъ сенаторовъ, умныхъ, просвѣщенныхъ и свѣдущихъ. Я и не знаю, какъ и какое занять положеніе, я, который такъ мало люблю подчиняться и такъ мало сообщителенъ съ равенствомъ. Преобладающее вліяніе имѣютъ повидимому Буцковскій и Зубовъ, редакторы уставовъ, и Ковалевскій, оберъ-прокуроръ. Первые мнѣ извѣстны; Буцковскій мною выведенъ въ люди, Зубовъ былъ у меня оберъ-секретаремъ. Никогда я не считалъ ихъ особенно даровитыми

и всегда удивлялся, что они могли сдѣлать такія блестящія карьеры и сдѣлаться даже законодателями. Ковалевскій показался мнѣ немножко школьникомъ, когда, въ пиджакѣ, онъ сидѣлъ на колѣнахъ, на стулѣ. Беръ и Чемадуровъ порядочные чиновники, но губернскіе. Даровиты помощники оберъ-прокурора Фришъ и Пятницкій. Послѣдній мнѣ давно извѣстенъ какъ прекрасная, скромная личность. Фришъ человѣкъ бойкій и потому мнѣ мало симпатиченъ. Изъ прочихъ видѣнныхъ мною касаторовъ Башуцкій, Булыгинъ и Матюнинъ мнѣ давно извѣстны. Матюнинъ превосходный дѣлецъ, чего далеко нельзя сказать о Булыгинѣ, имѣвшемъ одну репутацію картежника; въ Совѣтъ Мин. госуд. имущ. я не слыхивалъ его голоса. Что касается Башуцкаго, то это такая древность, что если назначеніемъ его хотѣли умалить достоинство новыхъ судовъ, то цѣль не могла быть вѣрнѣе достигнута. Онъ кончитъ жизнь, не примирясь съ новыми началами, не понявъ ихъ. Лучшие сенаторы отсутствуютъ: Данзасъ, Любоцинскій, Стояновскій, Арцимовичъ и Павловскій. Карамзинъ и Петерсъ еще не назначены. Пожужу произнести мое заключеніе. Петербургскія злоупотребленія, раздражая меня, дѣлають пристрастнымъ, придирчивымъ, несправедливымъ. Но не могу прибавить нынѣ же одного замѣчанія. Главнѣйшими пособіями при разборѣ кассационныхъ дѣлъ служатъ: 1) изданіе уставовъ съ объясненіями, напечатанное отъ государственной канцеляріи и 2) сводъ рѣшеній кассац. департаментовъ оберъ-секретаря Як. Утина. И то и другое не бесполезно, но и то и другое трудъ механической, наскоро сдѣланный, чуждый внутренней системы и редакціонной юридической отдѣлки. Болѣе научнаго достоинства, болѣе обдуманной системы и редакціи представляютъ „Руководство“ Неклюдова, хотя онъ иногда очень безцеремонно обращается и съ словами, и съ фактами, и съ самимъ примѣненіемъ законовъ. Не могу не прибавить еще одного замѣчанія: поздно вступаемъ мы (покрайней мѣрѣ я) на публичное судопроизводство. Слишкомъ долго—шутка-ли 30 лѣтъ! Слишкомъ давно пробавлялись мы рутиннымъ дѣловодствомъ стараго суда и едва-ли въ состояніи отвѣчать требованіямъ новаго. Работы я не боюсь, но работа работѣ розь. „Сборникъ рѣшеній кассац. д.“ обличаетъ такую робость, такое опасеніе ошибочнаго толкованія, что намъ, старымъ практикамъ, и давно извинительно усомниться въ силахъ, возросшихъ и направленныхъ на другихъ отправленіяхъ правосудія. 5 Сентября. Четвергъ.

Митя поступаетъ въ „общеобразовательную гимназію“ (Цынкаловскаго), но я еще на ней не остановился. Посмотрю и присмотрюсь. Учительница музыки, по рекомендаціи директора консерваторіи Зарембы, молоденькая первая ученица Антона Рубинштейна, Тереза Барневичъ (вѣроятно онѣмеченная Чешка Барневичъ) нашла, что Таша

приготовлена превосходно и что учить такую ученицу есть удовольствіе. (Еще бы, мой прекрасный ребенок!). Но все еще не устроилось, и надобно подождать. Молодая учительница такъ молода, что едва ли выработала или усвоила себѣ опредѣленную систему преподаванія. Дѣло это серьезное. Надобно, чтобы дочь моя была хорошей музыканткой.

Миръ или война? Кильская рѣчь Прусскаго короля обходитъ всю Европу, и хотъ въ ней слышно не болѣе какъ надменность побѣды подъ Садовой, тѣмъ не менѣе Наполеонъ не поспитъ ночь и объяснитъ ее въ миролюбивомъ значеніи, значительно обмѣняется взглядами съ маршаломъ Ніелемъ и будетъ продолжать приготовленія. Впутаемся-ли мы, сомнѣваюсь. Денегъ нѣтъ, и къ очень умѣреннымъ предположеніямъ бюджета надобно придать неумѣренныя недоимки въ 1868 и 1869 г.г. Бѣдность народа такъ велика, что необходимо измѣнить систему налоговъ, необходимо пересмотрѣть размѣры оброковъ. Тутъ не до войны. А война будетъ. Легкомысліе правительствъ, узкіе интересы династій, ошибочно-дерзкія мѣры доктринъ привели власть къ положенію рабѣнія, и одна демократія борется съ открытымъ забраломъ. Въ ней и будущность. Она вызоветъ и войну.

Нерѣшенныхъ вопросовъ много. Самое начало національностей удовлетворено не вполне, а тутъ поднимаются: уравниеніе политическое, огражденіе рабочаго труда, предѣлы личной собственности. Не наслаждаться миромъ Европѣ. Доколѣ не явится новый, лучшій Наполеонъ, который сѣумѣлъ бы распознать и безкорыстно удовлетворить нужды Европы, она постоянно будетъ въ ожиданіяхъ войны. Новая реформа въ Россіи ознакомятъ съ нею образованный свѣтъ, и нашъ крестьянскій надѣлъ землею грозитъ Европѣ аграрными законами, всегда чреватыми междоусобицею. Распадающіяся Турція и Австрія представляютъ многіе поводы къ столкновеніямъ и вмѣшательству. Безпрестанныя попытки революціонеровъ въ Испаніи скопляются и наконецъ разразятся рѣшительнымъ переворотомъ и низложеніемъ клерикаловъ. Папѣ останется, на вселенскомъ католическомъ соборѣ, произнести свое низложеніе *de jure*. Республиканскій элементъ все близится къ дѣйствительному проявленію. За нимъ виднѣется коммунизмъ, которому Русскія учрежденія даютъ осязательные образцы для подражанія.

Царь съ царицей развѣзжаются по Германіи. Онъ ѣдетъ въ Берлинъ на охоту, государыня съ царевной и молодыми царевичами, черезъ Мюнхенъ, на Комо. Гдѣ нибудь, но не въ Россіи. Такъ тяжело это слышать, такъ оскорбительно видѣть, какъ глава великой имперіи скачетъ въ Парижъ, въ Берлинъ, панибратствуетъ съ мелкими Нѣмецкими князьками, а ему и визитовъ не отдаютъ. Ни Наполеонъ, ни Вильгельмъ не были въ Петербургѣ. Не пріѣдутъ и въ Варшаву, гдѣ гото-

вятся большія министерскія конференціи и маневры. Не смотря на двукратное покушеніе, Государь какъ бы вызываетъ руку Польскаго фанатика. Особенно этотъ фанатизмъ сильно разженъ теперь, съ отмѣною Польской администраціи и съ училищными мѣрами въ западныхъ губерніяхъ.

Революція въ Испаніи. Французамъ отъ Пруссаковъ житья нѣтъ. Италія слишкомъ притихла (не предъ взрывомъ-ли?), а мы ѣдемъ въ Берлинъ на охоту, и конечно родство и сосѣдство обѣщаютъ самый преданный нейтралитетъ, если не болѣе.

По видимому что-то затѣвается. Продолжительное пребываніе Государя въ Германіи, частыя свиданія съ Прусскимъ королемъ имѣютъ вызывательный характеръ, и Наполеону пора произнести послѣднее слово, а не пробавляться протестами Гановера и Касселя. А тутъ въ сосѣдствѣ революція, стереги границы и берега; революція рѣшительная, пылкая, радикальная, готовая выдвинуть или республику или Орлеанскую монархію. Ближе всего Испаніи соединиться съ Португаліей и, низложивъ окончательно клерикальное вліяніе, водворить въ конституціонномъ государствѣ народное просвѣщеніе и развитіе внутренней производительности.

Сентябрь. Катастрофа съ великимъ княземъ Алексѣемъ. Экой порядокъ во флотѣ? На дняхъ былъ у меня одинъ контролѣръ и описывалъ, какъ гнѣздятся тамъ пристрастіе и взяточничество въ хозяйственномъ управленіи; какъ произвольно, безъ торговъ и не смотря на торги, отдаются подряды благонадежнымъ, испытаннымъ лицамъ, тогда какъ эти лица никакихъ въ министерствѣ дѣлъ не имѣли, или имѣли, но оказались неисправными и несостоятельными. Капитанъ Кремеръ сбился съ фарватера, и фрегатъ „Александръ Невскій“ уже вышедшій въ непрочномъ состояніи, ударился о камень и потонулъ. Впрочемъ великій князь не подвергался особенной опасности. Какъ-то обойдется эта исторія Кремеру и адмиралу Посету? При фанфаронскомъ управленіи спуска рукава, у насъ рѣдко и мало возбуждается отвѣтственность. На волоскѣ висѣла жизнь царевича и трехъ сотъ человѣкъ, миллионный убытокъ, безопасность, а генераль-адмиралъ вѣроятно не найдетъ приличнымъ нарядить судъ и опредѣлить виновнымъ наказаніе.

Петербургское мое водвореніе и кассационныя занятія продолжаются по немногу. Я хочу записать о послѣднихъ. Мы слушаемъ дѣла въ недѣлю одинъ разъ, дѣлъ на сенатора приходится шесть-семь, всего въ докладѣ до 30—35. Это много, продолжительно и утомительно. Публичныя засѣданія идутъ, если нѣтъ повѣренныхъ, довольно гладко и скоро, потому что пренія были и рѣшеніе принято нами въ засѣданіи предварительномъ или совѣщательномъ. Вотъ эти совѣщанія изнурительны

и не по массѣ дѣлъ, сколько по беспорядочности преній. Толкамъ, ссылкамъ на прецеденты конца нѣтъ. Впрочемъ пренія эти и ссылки не бесполезны для новаго человѣка, какъ я. Желательно только побольше порядка, а его мало. Порядокъ зависитъ отъ власти, а ея между нами, равноправными, быть не можетъ и быть не должно. Порядокъ опирается на авторитетъ, а его у насъ нѣтъ, хотя быть долженъ. Первоприсутствующій (теперь въ отпуску) Данзасъ. Я его знаю съ 1840 г. Вѣроятно дѣломъ не занимается и мало его знаетъ, хотя при свѣтломъ своемъ умѣ и многосторонней опытности онъ могъ бы имѣть авторитетъ неоспоримый. Но онъ старъ. ему 70 лѣтъ, и болѣнъ. При томъ онъ понятія не имѣетъ (никогда не имѣлъ) о порядкѣ, о внѣшнемъ, формальномъ порядкѣ. Не думаю, чтобы это была мелочь. „Порядокъ-душа державъ“. Могли бы имѣть этотъ авторитетъ редакторы судебного устава, Н. А. Буцковскій и П. А. Зубовъ и еще болѣе бывшій товарищъ министра, приводившій судебную реформу въ исполненіе Н. И. Стояновскій, но ни они и ни онъ его не имѣютъ и на него не претендуютъ. О Берѣ и говорить нечего: онъ былъ, остался и останется губернскимъ чиновникомъ, губернскимъ секретаремъ. Такимъ же секретаремъ, но Петербурско-канцелярскимъ, остается младшій изъ насъ, Я. Я. Чемадуровъ; не знаю, какъ занимается дѣломъ замѣчательно умный В. А. Арцимовичъ. Не знаю, что внесутъ къ намъ антипатичный В. Н. Карамзинъ и симпатичный К. К. Петерсъ. Дамъ отчетъ послѣ. Остаюсь я. Но я авторитета не имѣю. Между тѣмъ я многими порядками д-та не доволенъ и думаю ихъ измѣнить. Начать съ того, что держась буквально ст. Уст., д-тъ не принимаетъ *никакихъ* частныхъ жалобъ, хотя бы онѣ вопіяли о неправильномъ преданіи суду и незаконномъ заключеніи подъ стражу (это выраженіе XVIII столѣтія!), о разсмотрѣннн дѣла (частнаго. жалобы) вопреки ст. Уст. не публично, а въ распорядительномъ засѣданіи, о медленности, о непринятіи жалобы и т. п. Самый внѣшній порядокъ поражаетъ своимъ неприличіемъ. Вы въ полночь получаете тюкъ-пакетъ съ семью дѣлами, на которыхъ лаконически приказывается: „К. Н. Лебеву на 13 Сентября“, или записку канцеляріи, что совѣщательное засѣданіе вмѣсто Четверга назначается въ Среду. Канцелярская зависимость на каждомъ шагу. Вотъ уже два доклада сданы мною для переписки, а канцелярія и не думаетъ представить ихъ. Потомъ, эти канцелярскіе сенаторы, вооружившись своими Петербургскими источниками, вздумали писать какія-то диссертация и ссылаться на „Сборникъ мнѣній Госуд. Совѣта“, на „Уставы съ соображеніями, изданія Государ. Канцеляріи“ (изданіе 1-е, изданіе 2-е) и на ненапечатанныя мнѣнія Госуд. Совѣта. Эти господа забываютъ, что осѣненные гласностію, обязательные приговоры и толкованія ихъ

должны основываться на законахъ и положеніяхъ, доступныхъ для этой гласности и повѣрки. Вообще управленіе, надзоръ и самый кругъ кассаціи не установились порядочно ни въ основаніяхъ, ни въ формѣ.

Какъ я доволенъ моею маленькою квартиркою, моимъ „домикомъ въ Коломнѣ“, гдѣ я днемъ и ночью слышу какъ кашлянулъ Митя, какъ чихнула Таша. Бѣдность Москвы и Замосковья накипѣли на сердце какую-то ненависть, злобу къ этому щегольству, блестящему Петербургу, поглощающему прямыя и косвенныя крохи невѣжественнаго крестьянства. Этотъ зазнавшійся чиновникъ только и думаетъ какъ бы округлить окладъ и прибавочное содержаніе, да дополнительную прибавку, да землю, да аренду, да абонементъ въ Итальянской оперѣ, да пообѣдать у Огюста или Доротта, да повидаться съ мамзелями, да пройтись въ картишки... Домикъ въ Коломнѣ доставляетъ мнѣ какое-то удовольствіе, удовлетвореніе, мзду. Мнѣ такъ хочется опрокинуться на это чиновничество, столь-же своекорыстное и порочное какъ прежнее барство. Я ожидаю втораго „Статистическаго Временника“ и втораго Отчета Государств. Контроля, чтобы сказать смѣлое слово. Куда мы идемъ и куда мы придемъ? Всего болѣе оскорбляетъ меня,—это самодовольствіе нашихъ правителей. Прочтите рѣчь Рейтерна въ Одессѣ. Прочтите циркуляры Потапова въ Вильнѣ. А ты, христіанская душа, подушный крестьянинъ, при чемъ? Церковь, государство и школа только обираютъ тебя. И какъ давно это продолжается! Но, кажется, все не такъ какъ теперь.

Я вовсе не удивлюсь, если буду свидѣтелемъ процесса въ родѣ *collier de la reine*..... А гласность уже есть, а стремленіе молодыхъ судовъ къ скандалѣтамъ нетерпѣливо. И то сказать: теперь другое время. Со времени *collier de la reine* прошло сто лѣтъ, всѣ положенія измѣнились, всѣ названія перемѣнились. Демократизмъ, социализмъ у воротъ. Королева Изабелла рѣшилась оставить тронъ, не рѣшившись разстаться съ Марфори. Примѣры... Домъ разрастается непомѣрно, и Германскія величества и высочества готовятся къ развѣнчанію. Къ ослабленію авторитетовъ нравственныхъ и началъ идеальныхъ присоединяются теоріи отвлеченныя и необходимость матеріальная.

Въ небольшой газетѣ, довольно распространенной „Современныя Извѣстія“, редакція г. Гилярова-Платонова, имѣющаго въ Москвѣ извѣстный авторитетъ, такъ разсуждаетъ (7 Октября № 276) о положеніи религіознаго у насъ вопроса: „Къ чему вы сами (духовенство) и само-то, чему вы служите? Нѣтъ, они не слышатъ этого голоса, несущагося изъ конца въ конецъ по Европѣ, подъ торжествующею хоругвию еженевно умножающагося невѣрія. Они не видятъ, что ощущеніе, вызывавшее этотъ голосъ, вызвавшее его, совершенно законно въ Европѣ,

гдѣ историческое служеніе духовенства дѣйствительно искони равнозначительно было всеобщему стѣсненію и помраченію, что это ощущеніе цѣликомъ переносится къ намъ, и что мысль, имъ порождаемая, вторится, что она сквозитъ во всемъ, на чемъ только лежитъ печать достоинства и внутренней силы, что она служитъ началомъ, подкладкою, зримымъ и незримымъ сопутникомъ всего умственнаго движенія! Съ простодушіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, все наше печатающееся духовенство, само не замѣчая, вторитъ этой мысли, и становится, тоже не замѣчая, въ ряды проповѣдниковъ невѣрія⁴. Нервный, завистливый, любостыжательный Гиляровъ-Платоновъ очевидно метитъ на личности, на отца Ключарева и подобныхъ и безотчетно коритъ духовенство Европы, хранившее въ себѣ столько вѣковъ сѣмена просвѣщенія и огражденія народовъ отъ насилія анархіи и деспотизма, какъ бы не замѣчая, что нигдѣ оно не было такою кастою, какъ у насъ, и нигдѣ оно не держалось такъ открыто и систематически, какъ у насъ. на народномъ невѣжествѣ, на голой обрядности и грубыхъ предразсудкахъ. Пора разбить эту своекорыстную, тѣсную касту. Да образуется новая церковь!

Октябрь. Процессы Бильбасова и Колзакова заставляютъ подумать о прочности и надежности новаго суда нашего. Бильбасовъ (или Дмоховскій?) обманулъ графа Шувалова (Католика) и князя Гагарина, выманивъ у нихъ 30 р. по нарицательной цѣнѣ выкупныхъ свидѣтельствъ въ уплату долга полковницы Засѣцкой подъ подложную росписку дочери ея (умершей) Кушниковой и подложно засвидѣтельствованной въ кварталѣ Литейной части. Обвиненный присяжными и осужденный въ 1867 г., Бильбасовъ теперь оправданъ и слѣдовательно обвинены графъ Шуваловъ, князь Серг. Гагаринъ, Засѣцкіе, Монтрезоръ, Деляновъ, Меллеръ-Закомельскій и проч. и г. Дмоховскій. Процессъ Колзакова представляетъ другую сторону. Полковникъ Колзаковъ продалъ г-жѣ Киркоръ негодныхъ лошадей за годныхъ и хотя признанъ присяжными виновнымъ, *но безъ похищенія*, но судомъ осужденъ за мошенничество. Тамъ, говорятъ, обвиняемый, явный мошенникъ оправданъ; здѣсь порядочный человѣкъ, оправданный присяжными, осужденъ къ лишенію правъ состоянія. Замѣчателенъ и процессъ Ив. Сер. Аксакова (съ секретаремъ суда Кохновымъ). Онъ оправданъ, да; но можно ли такъ глумиться, такъ унижать человѣческое достоинство, какъ это дѣлаетъ знаменитый Славянофилъ въ своихъ замѣткахъ о личности Кохнова, замѣчая въ немъ „какую-то странную упорную неспособность къ уразумѣнію самыхъ простыхъ понятій, самыхъ прямыхъ обязанностей своего званія“. Да, но все это обнаруживаетъ большую неурядицу въ умахъ и учрежденіяхъ. Какъ все шатко и невѣрно въ этихъ учрежденіяхъ,

лишенныхъ историческаго основанія, и какъ легко переступаются границы въ ново и скоро размежеванныхъ вѣдомствахъ, и какъ легко и часто злоупотребляются данныя власти и свободы!

Вотъ не стало и Колюбакина! Прекрасная Кавказская душа томилась въ бездѣйствіи Московскаго Сената и наконецъ утомилась отъ мысли, что не нынче-завтра закроется и это бездѣйствіе, и человѣкъ останется ни при чемъ: не на что будетъ покупать у Ѳомина цвѣтовъ для Катерины Тютчевой, Ольги Тимирязевой, Зинаиды Есиповой, Бахметевои, Менде-Олсуфьевой, Хомутовой и tutti quanti Московскихъ Цирцей, у подножія которыхъ молодой старикъ искалъ развлечения для своего уязвленнаго самолюбія. Московская жизнь его была просто смѣшна и жалка. Военный и Польскій элементъ его былъ постоянно стѣсняемъ въ Московитской, обломовской средѣ; но, говорятъ, на Кавказѣ онъ былъ дѣятель замѣчательный, какъ воинъ и администраторъ. Миръ праху твоему, благородный человѣкъ, всю жизнь искавшій и не находившій цѣли жизни. Получивъ небольшое образованіе въ Лицейскомъ пансіонѣ, онъ поступилъ въ военную службу. Разжалованный въ солдаты за пощечину своему начальнику, онъ боевыми подвигами, въ нѣсколько лѣтъ, достигъ до чина генерала и Кутаисскаго генералъ-губернаторства. Здѣсь онъ дозволилъ торжественно похоронить горскаго князька, убійцу своего предмѣстника, князя Гагарина, и за это сдѣланъ сенаторомъ. Личность замѣчательная, стубленная несвойственнымъ ей положеніемъ и непомернымъ самолюбіемъ и бретѣрствомъ. Упокой, Господи, душу его!

И новая смерть! Сегодня скончался сенаторъ Борисъ Карловичъ Данзасъ, 70 лѣтъ, послѣ продолжительной болѣзни легкихъ. Онъ на дняхъ сидѣлъ у меня довольно долго, на дняхъ первоприсутствовалъ съ нами въ Сенатѣ. И вотъ его нѣтъ! Это была натура весьма даровитая, но обстоятельства еѣ избаловали. Отъ того изъ замѣчательнаго, можетъ быть, знаменитаго человѣка, выпелъ человѣкъ только замѣтный, между своими (людьми большаго свѣта) изъ ряда вонъ. Онъ, говорятъ, побочный сынъ кн. Бориса Владим. Голицына, и потому пользовался большимъ и могущественнымъ покровительствомъ кн. Дмитр. Влад. Голицына, при которомъ онъ, по окончаніи курса въ Царскосельскомъ лицей, въ 1820 г., состоялъ секретаремъ и пользовался большимъ успѣхомъ въ Московскомъ обществѣ. Не знаю, какимъ образомъ кн. Дмитрій и кн. Сергій Михайл. порѣшили женить этого блестящаго, многообѣщающаго молодого человѣка на неизвѣстной и ничтожной дѣвицѣ Розентеймъ, говорятъ, будто бы, побочной дочери кн. Сергія. Думаю, этотъ бракъ рѣшилъ участь даровитаго батара. Прильнувъ къ высшему кругу, онъ получилъ въ немъ значеніе дѣльца, умницы, а въ кругу

дѣловыхъ людей (большею частію тогда приказныхъ) значеніе аристократа. Но мнѣ кажется ложное положеніе уже и тогда давило молодого человѣка, благороднаго и счастливо одареннаго наружностію и способностями. Чтобы удержать значеніе въ большомъ свѣтѣ, онъ пустился въ карты; чтобы удержать значеніе въ средѣ дѣльцовъ, онъ указы (служба его начадасть подѣ указами) и потомъ смыслъ статей Свода Законовъ объяснялъ въ пользу правой стороны, правомъ естественнымъ, общественнымъ, государственнымъ. Въ 1836 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ и назначенъ былъ за оберъ-прокурорскій столъ въ Сенатъ съ управленіемъ департаментомъ (кажется, вторымъ). Я узналъ его въ 1840 г. когда гр. Панинъ пригласилъ меня въ начальники (уголовнаго) отдѣленія департамента Мин. Юст., котораго директоромъ, еще при Блудовѣ, былъ Данзасъ. Онъ встрѣтилъ меня съ предубѣжденіемъ соперника Карніолина-Пинскаго, съ которымъ я былъ близокъ и потомъ друженъ. Соперничество это началось, кажется, съ 1836 г. и не прекращалось „еже до сего дня“. Не далѣе какъ 4 сего Октября Данзасъ, посѣтивъ меня, своего товарища, выражался съ большою желчью о своемъ соперникѣ, давно уже погибшемъ, и припоминалъ (стравная памятьливость, меня поразившая!) выходки, слова и мелочи интригъ, бывшихъ—легко сказать!—назадъ тому тридцать лѣтъ. Служба при Данзасѣ была весьма пріятна. Онъ не понималъ ни требовательности, ни взысканія, онъ любилъ снисходить, защищать и награждать. Объясненіе этого надобно искать сколько въ мягкости его сердца и характера, столько въ сознаніи своей собственной неисправности, происходившей отъ этого вѣчнаго большаго свѣта и этой вѣчной картежной игры, продолжавшихся до послѣдней минуты жизни. Отношенія его къ гр. Панину были постоянно непріятныя и раздраженныя. Они сдѣлались невыносимыми, когда въ 1843 г. министръ выбралъ себѣ въ товарищи В. А. Шереметева, и этотъ губерискій чиновникъ сдѣлался начальникомъ. Положеніе было унижительное и нестерпимое. Въ 1845 онъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 1-го департамента, въ 1851 сенаторомъ, а въ 1867—первоприсутствующимъ въ кассационномъ уголовномъ департаментѣ и въ чинахъ, и въ звѣздахъ, и въ мѣстахъ всегда послѣ Пинскаго! Такъ преслѣдовала его Немезида графа Панина. Онъ постоянно считалъ себя обиженнымъ и всегда жаловался. Данзасъ оставляетъ вдову съ тремя перерѣвыми дочерьми и двумя сыновьями, изъ которыхъ Сергій довольно простоватъ, а Дмитрій, недавно женившійся на баронессѣ Корфъ, довольно тароватъ. Данзасъ мало занимался семействомъ, и оно, кажется, давило его. Смерть Данзаса чувствительна мнѣ, какъ современнику. Пріятели и знакомые 30-хъ и 40-хъ годовъ, въ комисариатѣ и юстиціи, почти всѣ перемерли. Съ Данзасомъ отпадаетъ и у меня какая-то опора. „Съ

удовольствіемъ узналъ я, сказалъ онъ мнѣ, о вашемъ назначеніи. Вы хорошо докладываете и хорошо пишете. Я старъ и болѣнъ; помогайте мнѣ. Мы знаемъ другъ друга давно“. Что-то обычное, близкое слышится въ этихъ словахъ моего бывшего начальника и потомъ товарища.

Осужденіе въ Москвѣ полковника Колзакова за продажу лошадей съ задѣланными копытами, и оправданіе въ Петербургѣ извѣстнаго мошенника Бильбасова, обманувшаго Засѣцкаго, князя Гагарина и графа Шувалова, при посредствѣ ст. сов. Дмоховскаго, а также и избраніе юрисконсульта министерства финансовъ О. И. Квиста въ предсѣдатели мирового съѣзда производятъ въ обществѣ и въ газетахъ говоръ и агитацію за и противъ новыхъ судебныхъ учреждений. Разумѣется, большинство защищаетъ суды; на сторонѣ большинства и публицистика. Но и голосъ меньшинства не надобно оставлять безъ вниманія. Деспотизмъ нововведеній душистъ привычки и оскорбляетъ убѣжденія, хотя бы ошибочныя, но тѣмъ не менѣе искреннія. Какъ оправдать челоуѣка уже разъ осужденнаго, когда противъ него показываютъ столько лицъ, высоко стоящихъ въ общественной іерархіи? Если онъ подѣлился 30 т. р. съ Дмоховскимъ, то уменьшаетъ, уничтожаетъ-ли это его виновность? А преступленіе здѣсь: 30 т. р. у гр. Шувалова взяты, подложная росписка на лицо. И тоже: какъ осудить Колзакова, когда эксперты цѣнятъ лошадей выше проданной суммы и когда присяжные говорятъ, что при обманѣ не было похищенія (Улож. ст. 1665)? Наконецъ, не произволь-ли это—избраніе зависимаго чиновника на одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ судебной іерархіи—предсѣдателя столичнаго мирового суда? Конечно.

Но все это частныя, мелочныя явленія, только пристрастіемъ возводимыя на степень доктрины, направленія, партіи. Министерство Юстиціи виновато въ личныхъ назначеніяхъ. И только. Не болѣе*). Меня поражаютъ не процессы, исходъ которыхъ часто зависитъ отъ случайностей. Меня поражаютъ наглость преступленій и наглость печати. Студентъ Новоникольскій, жалуясь на Центральный Комитетъ, называетъ его „подонками и плѣсенью“, а дѣйствія его Каракозовскимъ и Березовскимъ. „Московскія Вѣдомости“ открываютъ явныя компаніи противъ правительства, „которое такъ перепугалось могущества Пруссіи, что и не думаетъ объ интересахъ собственныхъ“. Фельетонистъ „С.-Петербургскихъ вѣдомостей“ такъ отдѣлываетъ своихъ героев: Крестовскаго, Погодина, Шепулинскаго, Горна и проч., что удивляешься и

---

*) Должно засвидѣтельствовать, что въ печати („Моск. и С.-Петерб. Вѣдомости“) ревниво и прекрасно охраняютъ и защищаютъ новый судъ противъ наветовъ „Вѣсти“ и подобныхъ.

безстыдству г. Суворина, и терпимости нашей свободы. Скоро печать г. Арсеньева и Заруднаго проберется въ спальни и расскажетъ ночныя тайны.

Не смотря на общія жалобы на пьянство и распущенность въ народѣ, наши статистики утверждаютъ противное. Г. фонъ-Бушенъ читалъ въ Экономическомъ Обществѣ записку о пьянствѣ, въ которой пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: 1) Потребленіе спирта въ народѣ со времени уничтоженія откуповъ увеличилось, въ общемъ итогѣ, въ самой незначительной пропорціи: на 6%. 2), народъ, со введеніемъ вольной продажи, тратитъ на водку менѣе, чѣмъ тратилъ прежде, и слѣдовательно дѣлаетъ сбереженія, иначе нечѣмъ и объяснить увеличеніе его благосостоянія, положительно замѣчательное во многихъ мѣстахъ, и поступленіе увеличенныхъ прямыхъ податей и выкупныхъ платежей. Остановимся на этихъ двухъ выводахъ. Если справедливо, что потребленіе увеличилось только на 6% (?), то не надобно забывать, что это увеличеніе относится къ такому непомѣрно возросшему количеству вина, какое нагнали всѣ изощренія откупа и при томъ винѣ высшаго качества, производящаго скорѣйшее опьяненіе. При этомъ условіи увеличеніе потребленія должно (думаю) считаться свыше 15%, а такой процентъ *pes plus ultra* откупнаго размѣра есть возвышеніе огромное! Я такъ думаю; не можетъ же быть, чтобы общественное мнѣніе, такъ вопіющее противъ пьянства, такъ ошибалось и преувеличивало зло. Что же касается увеличенія благосостоянія, то вліяніе здѣсь крестьянской реформы несомнѣнно. Я доложилъ объ этомъ министру Муравьеву еще въ Іюль—Августъ 1861 г. Но я сильно сомнѣваюсь, чтобы это благосостояніе было прочно и продолжительно. Я сильно сомнѣвался и сомнѣваюсь, чтобы народъ выдержалъ эти усиленные налоги и выкупные взносы. Вопросы эти впрочемъ мало разработаны и требуютъ многосторонняго изученія. Если все это такъ, отъ чего же однако такъ растутъ долги и *déficit*'ы? При столь значительномъ возвышеніи податей, я рѣшительно не понимаю, какъ можетъ быть рѣчь о благосостояніи населенія. Оно живетъ животною жизнію. Петербургскіе туманы скрываютъ эти печальныя картины бѣдности, невѣжества и пьянства.

Какое бурное неприятное засѣданіе было у насъ сегодня, 25 Октября въ распорядительномъ порядкѣ! Интрига свиваетъ гнѣздо вездѣ. Прежде назначенные въ кассационный департаментъ сенаторы съ неудовольствіемъ видѣли, что вновь назначенные, по старшинству чиновъ, садятся выше ихъ и тѣмъ приравниваютъ кассационный съ прочими департаментами Сената. Это принято съ особенною живостію теперь, когда смерть Данзаса сближала старшихъ съ почетнымъ мѣ-

стомъ первоприсутствующаго. И интрига возбудила въ тихомолку, сюрпризомъ (вотъ это нехорошо) вопросъ о старшинствѣ въ засѣданіяхъ. Точно въ первый разъ собрались! Всѣмъ орудовали Стояновскій и Ковалевскій. Помогали Зубовъ, Буцковскій и никѣмъ невидимый Арцимовичъ. Они обратились къ старцу Башуцкому, чрезъ Ковалевскаго, и первоприсутствующій удивилъ всѣхъ насъ предложеніемъ неожиданнаго вопроса. Большинствомъ рѣшено: считать старшинство, согласно 4 ст. временныхъ правилъ 15 Марта 1866 г. „по времени назначенія каждаго въ должность“ (сенатора кассационнаго департамента). Но правильно-ли это? Мы назначены по высочайшему повелѣнію, мы никакой новой присяги не принимали, мы назначены въ должности сенаторовъ и остаемся тѣми же сенаторами. Временныя правила 15 Марта къ Сенату не примѣняются. Я боюсь, что подобные сюрпризы внесутъ рознь и раздоръ между нами постоянно непріятные и для дѣла особенно вредные. Вѣроятно обиженные гоги обратятся къ министру и вызовутъ вмѣшательство высшее, и это вмѣшательство не желательно. А разыгрались самолюбія! Особенно громко протестовалъ к. Юрій Долгорукій. Особенно жалокъ былъ Бергъ. Онъ потомъ около часу докладывалъ намъ дѣло, и на него нашелъ столбнякъ, когда Стояновскій случайно взглянулъ въ протоколъ, и оказалось, что бывший первоприсутствовавшій докладывалъ не то дѣло. Исторія непріятная, особенно по своему эзуптскому способу веденія. Ничего здѣсь серьезнаго нѣтъ. Комедія. Оттого и трудно вѣрить въ прочность и пригодность дѣла. Далѣе!

Предостереженіе (третье) И. С. Аксакову съ пріостановкою „Москвы“ на шесть мѣсяцевъ не составляетъ важнаго событія только потому, что Аксакову уже столько было предостереженій и пріостановокъ, что всѣ—и Москва—къ тому привыкли и всегда этого ожидали. Замѣчательный публицистъ, Славянофилъ Аксаковъ постоянно переступаетъ черту, на которой такъ ловко умѣетъ остановиться и замаскироваться Катковъ. Перечитывая №№: 128, 136, 141, 154 и 155 (передовыя статьи) и областной отдѣлъ (это работа Павлова) въ 114 и 134 невольно задаешь себѣ вопросъ: почему же главное и цензурное управленіе отличались такимъ долготерпѣніемъ? Заносчивость Аксакова я объяснялъ и объясняю себѣ тѣмъ, что, какъ правовѣдъ на служебномъ поприщѣ, и какъ Славянофилъ, посреди наводняющаго насъ европеизма, онъ въ ложномъ положеніи и чтобы скрыть или маскировать его, онъ бросается въ крайности и какъ бы метитъ за свои противорѣчія. Ему остается послѣдовать Самарину и перенести свою дѣятельность въ Лембергъ или Прагу. Высоко даровитый, высоко благородный человекъ, онъ на всякомъ поприщѣ и вездѣ принесетъ пользу, свѣтло освѣтитъ горизонтъ своего возрѣнія и броситъ мысль, идею, формулу, выработанныя

умомъ и сердцемъ, разумомъ и фантазіей. Недаромъ, когда въ Іюль, въ Кунцовѣ, онъ сказалъ мнѣ, что съ Августа вступаетъ въ редакцію, я спросилъ его: „на долго-ли?“ Но положить-ли эта мѣра какой нибудь предѣлъ безцеремонности, необузданности нашихъ публицистовъ? Сомнѣваюсь. Они похожи на загулявшаго молодца, который щеголяетъ своими безобразными выходками. Упоеніе свободою для неопытнаго, какъ случайности возможнаго для ребенка, есть своего рода хмѣль. Жаль, что въ какой нибудь „Вѣсти“ хмѣль этотъ смѣшанъ съ ядомъ или въ „Домашней Бесѣдѣ“ покрытъ плѣсенью, а въ „Москвѣ“ одностороннимъ увлеченіемъ мечтательной, но систематической оппозиціи. „Биржевыя Вѣдомости“, въ хмѣлѣ этомъ, грезятъ коммунизмомъ и социализмомъ.

Рѣчь Прусскаго короля, при открытіи ландтага, дышетъ величіемъ и успокоеніемъ. Европѣ нуженъ миръ, его желаютъ правительства и народы; его особенно желаетъ Пруссія для устройства своей реорганизациі, для умирненія волненій въ умахъ и сердцахъ, необходимаго послѣ незапныхъ и неожиданныхъ потрясеній 1866 г., успѣхами семидневной войны открывающей новую эпоху не только въ военномъ дѣлѣ, но и для развитія всего материка Европы. Преобладаніе Пруссіи несомнѣнно. Старая традиція о Рейнѣ жива во Франціи, и новые лавры Пруссіи могли развѣ только усилить ее. Династическіе интересы Наполеона направляются туда же. Но, Боже мой, какъ обветшали эти традиціи и династіи не только передъ этими полчищами пролетаріата, голоднаго и потому рѣшительнаго, но и передъ этимъ Бисмаркомъ, отказывающимся отъ юнкерства, и передъ патриотизмомъ Гладстона, открыто принимающаго сторону Ирландіи. Отнынѣ Франція на второмъ планѣ. Первенство принадлежитъ Германіи, Пруссіи, и дальнѣйшая задача исторіи: сплотить окончательно Германское племя и преобладать надъ Славянами.

Какъ грустно мнѣ было встрѣтиться съ семействомъ Протасьевыхъ, съ Анетой, съ ея братомъ, дѣтьми и племянниками! Какъ переходчиво положеніе и счастье человека! Какая печаль овладѣваетъ мною, когда я припоминаю пятилѣтняго ребенка 1828 г., окруженнаго мамками, гувернантками, красавицу-невѣсту 1840 г. съ богатымъ приданымъ, и смотрю на эту тощую матрону, всю погрязшую въ мелочахъ, въ бѣдности, въ грязи и уже привыкшую къ этой средѣ бѣдности и грязи! Чего не жалѣлъ покойный отецъ для воспитанія, какъ много заботился онъ о блестящемъ образованіи! Какая этому причина? Во первыхъ, отсутствіе матери. Во вторыхъ, отсутствіе религіи, въ третьихъ, недостаточное просвѣщеніе отца, исключительно занимавшагося внѣшнимъ, пустымъ, блестящимъ, а не прочнымъ, существеннымъ. Быстрыя, неестественныя перемѣны въ общественномъ положеніи людей

въ Россіи всегда видны въ нашей исторіи, особенно со временъ Петра, когда преемственное иностранное вмѣшательство упразднило прежнія, довольно грубыя, національныя условія развитія. Но едвали когда нибудь перемѣны эти были такъ многочисленны и быстры какъ теперь, съ коренными преобразованиями общества и государства. Лотерейное время! Лихорадочное время! Отецъ и представить себѣ не могъ его, и дѣти до него не выросли.

Читаю я Эккардта „Baltische und russische Culturstudien“ замѣчательныя собственно—покрайней мѣрѣ въ моихъ глазахъ—по двумъ статьямъ: о Русско-нѣмецкихъ (онъ называетъ Нѣмецко-русскія, Орденскія Прусскія) провинціяхъ и о развитіи Русской литературы въ видѣ протеста, реакціи, почти революціонной оппозиціи заимствованной Европейской культуры порядкамъ и жизни національнымъ, Русскимъ. Характеристичны эти гг. Остзейцы! Эккардтъ вовсе не фонъ, а оставляетъ свои средневѣковыя учрежденія, уставы своего „Орденскаго отечества“. Но что чуяло его сердце, когда, упрекая Трейтшке въ нападкахъ на Остзейцевъ, онъ говоритъ отъ ихъ лица, оканчивая письмо: *Sie verlangen heute nur noch, dass man ihnen die Stunde vergifte, welche vielleicht ihre Sterbestunde ist.* Думалъ-ли онъ о безнадежныхъ выходкахъ Сиверса и Бока или о работѣ, точащей работъ Московскихъ журналистовъ или о новомъ трудѣ Ю. Самарина? Ничего онъ не думалъ. Извиняя Орденландію безучастіемъ Муттерландіи, Остзеецъ просто на просто тянетъ къ Германіи.

Сегодня сидѣли у меня дядя и племянникъ Данзасы и толковали о своихъ предположеніяхъ; объ устройствѣ образа жизни на скромную ногу, въ провинціи, въ деревнѣ... Вотъ оно куда пришло! Ложное положеніе семейства есть положительно вина покойнаго. Но я не вижу ничего отчаяннаго: государственное казначейство даетъ вдовѣ нераздѣльно съ дочерью 4,000 р. Министру юстиціи приказано, до 1877 г., выдавать имъ, ежегодно, пособіе изъ остатковъ. Сами они имѣютъ 3,000 р., итого до 10,000 р. Жить можно. Жаловаться, кажется, нечего. Но едва ли привычки погнутъ передъ необходимостію, и едва ли суета научится благоразумію. Иначе эти милыя, прекрасныя Аделаида, Ольга и Татьяна давно были бы пристроены, особенно Ольга, замѣчательная головка и прекрасное сердце. Да, отцы во многомъ отвѣчаютъ за дѣтей, особенно въ воспитаніи и привычкахъ. Отцы должны смотрѣть, по крайней мѣрѣ, на будущее поколѣніе и предугадать его требованія. Въ наше время надобно имѣть въ виду: „на всякій случай“. Особенно далеко должна стоять личность. Покойный Данзасъ поступалъ иначе. Онъ постоянно считалъ себя обиженнымъ, не оцѣ-

пеннымъ. Личность, я, у него были первое слово. Можетъ быть, въ свое время, и меня упрекнуть въ томъ же.

Плохо идетъ моя кассачія. Не могу, не умѣю еще поймать руководящія нити, и робость овладѣваетъ мною въ особенности потому, что нити эти надобно ловить, поймать. Двухлѣтняя практика мало выработала общихъ основаній, и сами практики часто сознаются, что отъ нѣкоторыхъ, отъ многихъ, рѣшеній теперь приходится отказываться. Я строго держусь на почвѣ фактовъ и избѣгаю общихъ разсужденій. Начала должны выработаться изъ массы частныхъ путемъ наблюденій, наведеній и сводовъ. Увеличиваетъ мою робость и наше могущество: на рѣшенія наши не можетъ быть жалобы, никуда, и никому, а между тѣмъ они обязательны для всѣхъ какъ законъ. По отсутствію сложившейся практики у насъ безпрестанно возникаютъ общіе вопросы, какъ изъ примѣненія самаго молодого уголовного устава, такъ и отъ столкновенія его съ старымъ (Уложеніе) и этого стараго съ новымъ мировымъ уставомъ, составленнымъ на другихъ основаніяхъ. Вотъ разработкою этихъ-то вопросовъ, почти законодательнымъ порядкомъ, я постоянно недоволенъ и думаю, что изученіе, изложеніе и предварительное разрѣшеніе ихъ должны бы быть возлагаемы на особыя изъ насъ частныя комитеты. Предварительная разработка существенно полезна.

Какъ и надобно было ожидать, агитація 21 Октября вызываетъ высшее, стороннее вмѣшательство. Теперь уже два сенатора, Башуцкій и кн. Юрій Долгорукій, перешли въ первое общее собраніе, разумѣется сохранивъ оклады. Министръ входитъ съ представленіемъ въ Госуд. Совѣтъ о поясненіи 4 ст. правилъ 15 Марта 1866 г., и разумѣется Совѣтъ пояснитъ тѣмъ, что кассачіонныя департаменты подчиняются общему порядку Прав. Сената, т. е. сидѣть по чинамъ. Это должно было предвидѣть. Я предупреждалъ товарищей. Съ другой стороны тутъ есть и польза: сбытъ такихъ ничтожныхъ сотоварищей какъ старецъ Башуцкій и лѣннинецъ Долгорукій всегда полезно, когда масса дѣлъ требуетъ людей дѣльныхъ и работы постоянной. И Башуцкій и Долгорукій тоже выиграли: они вышли изъ ложнаго положенія, сохраняютъ большіе оклады и ничего не будутъ дѣлать. Времечко! Всѣ въ выигрышѣ! И никто ничего не теряетъ? Сомнѣваюсь. Тутъ и молодая заносчивость, и незрѣлая либеральность. Желалъ бы я, чтобы какойнибудь Прево-парадолъ *) написалъ *la Russie Nouvelle*, хоть бы въ Прагѣ

*) Нанечатаніе (Мишель Лева) и распространеніе книги *La France nouvelle* доказываютъ значительный успѣхъ оппозиціи. Орлеанисты, не смотря на сенатское запрещеніе толковать конституцію, разбираетъ современные порядки представительства, министерства, церкви, печати и арміи и прямо выражаетъ необходимость измѣненія ихъ въ смыслъ республики или конституціонной (Англійской) монархіи. Книга имѣла большой

или Карлсруэ, но безъ опасеній Французскаго публициста и съ болѣе практическимъ знаніемъ дѣла. Какъ бы взглянуть на дѣло безъ предубѣжденій? Можетъ быть, порицаемый, ненавистный порядокъ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ большинству требованій, нежели прежній и предлагаемый.

Больное мѣсто,—гдѣ больное мѣсто въ Россіи, въ Европѣ, во всемъ свѣтѣ? „Окраины“ ли Россіи (такъ шумяція въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ окраинахъ) Испанскій, Папскій, Рейнскій, Шлезвигскій, Цислейтанскій, Польскій или Восточный вопросы? Вопросамъ конца нѣтъ. Есть даже вопросъ Ганноверскій, вопросъ Чухонскій, Ирландскій... Чтò это, куда мы пришли? А вопросы внутренние? Ихъ не оберешься. А вопросы семейные? Безпрестанные вопросы общіе, а вопросы частные? А вопросы мѣстные? Все въ вопросѣ. А великій разрѣшитель вопроса—Мадзини—говорятъ телеграммы—умеръ. Отъ кого ожидать разрѣшенія? Отъ тираніи времени и большинства (пролетаріата). Какъ малы и мелки всѣ эти идолы: Наполеоны, Бейсты, Бисмарки, когда пройдетъ полвѣка, вѣкъ! Какъ нужно второе пришествіе Спасителя, чтобы водворить въ человѣчествѣ настоящее ученіе Христа, доселѣ остающееся въ сторонѣ отъ всепоглощающей Греко-римской, матеріально-чувственной образованности! Все въ вопросѣ.

Ноябрь. Министръ, по случаю перемѣщенія моего изъ Москвы, исходатайствовалъ мнѣ подъемныхъ 2,500 р. Мнѣ это непріятно (хотя частію я самъ причиною), мнѣ, который получаетъ съ арендой 9 т. р. и который такъ открыто порицаетъ чиновничью расточительность, Петербургскую роскошь и непомѣрное возрастаніе бюджета. Думаю, что подъемъ слѣдуетъ назначать при перемѣщеніи изъ другаго города на равное мѣсто; но можно ли считать равнымъ перемѣщеніе съ 4631 р. на 7 т. р.? Откровенно сознаюсь, что при моей враждѣ къ Петербургу (такъ что я „и жить въ немъ не захотѣлъ и переѣхалъ въ Коломну“) и къ расточительности казны и земель (я въ Минист. госуд. имущ. могъ получить землю и не получилъ) мнѣ не слѣдовало заводить о томъ рѣчи, тѣмъ болѣе, что при скромномъ моемъ „домикѣ въ Коломнѣ“ переѣздъ обошелся мнѣ недорого. Мои назначенія довольно знаменательны: чиномъ въ 1853 г. я открылъ ходъ полчищу тайныхъ совѣтниковъ; по назначенію въ сенаторы, въ 1864 г., за мною ринулись

успѣхъ, какъ и Ténot: Paris en Décembre 1851“, и ни Прево-парадолъ, ни Тено не преданы суду, а между тѣмъ судятся и осуждены газеты, открывшія подписку на памятникъ Бодену, убитому на баррикадѣ послѣ словъ: „вотъ какъ умирають за 25 франковъ. „Новая Франція“ принадлежитъ къ серьезной публицистикѣ и теперь выходитъ десятимъ изданіемъ. Pamфлетъ замѣчательный. Я еще обращаюсь къ нему. Это событіе больше нежели Бодень.

десятки сенаторовъ. Не настанетъ-ль послѣ этого подъема подъемъ къ экономіи? Сомнѣваюсь. Пожалуй, скажутъ: „ужь коли ему дали!“ Во всякомъ случаѣ, жаль и быть и не быть примѣромъ.

Я серьезно болѣнъ и намѣренъ лечиться. Очень дурно провожу ночи, дурно перевариваю. носомъ кровь идетъ, частыя подергиванія въ желудкѣ, иногда трясутся руки, большая сухость кожи. Но, Боже мой, какъ привычка тожественна съ натурой. Она повелѣваетъ, она требуетъ. Моя привычка началась съ 1851 г. Безсонница, истощеніе силъ привели меня къ наркотическимъ пособіямъ. Пособія эти возрастаютъ дѣлаются теперь ядомъ, ненавистью, яростію, и я провожу тяжелыя ночи. Тяжелыя для меня, для жены и. чтò страшно, для Дмитрія. Но чтò тутъ дѣлать? Ужасно я провожу ночи. Безсонница. Извращеніе органа слуха. Правда, воображеніе усиливаетъ послѣдствія, но поразительна и дѣйствительность. Сегодня я спалъ лучше. Какъ и когда будетъ все нормальнѣе и покойнѣе? Что дѣлать? Все хуже (11 Декабря) Думаю, что все хуже (18 Декабрь). Къ разстройству желудка и ревматизму правой руки присоединяется и болѣзнь глазъ (25 Декабря).

Сей часъ изъ оперы „Русланъ и Людмила“. Набрасываю впечатлѣнія, на меня произведенныя. Это опера оригинальная Русская. Слышна мастерская рука композитора, свободно располагающаго фантастическимъ матеріаломъ Пушкина. Но фантастичность и мѣшаетъ впечатлѣнію. Не уяснишь себѣ: чтò за вѣкъ, чтò за люди, и было-ли такое время и бывають-ли такіе люди? Впечатлѣнію мѣшаетъ и разрозненность, перерывъ совершающихся событій. Эти разительно-разнообразные акты, эти частые балеты, появленіе въ гротѣ Финна, появленіе злой колдуньи (а какой прелестный хоръ бѣлыхъ дѣвъ передъ нею!)... Лезгинка и др. Какъ связать фантастичность съ Русскими мотивами. Съ нами была музыканша, не читавшая почти Пушкина; она рѣшительно ничего не поняла. Не поймешь даже и костюмы. Исполненіе было неособенно хорошо. Хороша была Лавровская (Ратмиръ) и Петровъ (Фарлафъ), а также недурна Бюдель. Долго идетъ опера; битыхъ 4 часа. Какъ отсталъ я отъ этихъ шумныхъ зрѣлищъ! А надобно потѣшить жену и дѣтей.

Когда чиновникъ Протопоповъ былъ выведенъ изъ терпѣнія тремя графами (Сиверсъ, Кошкуль и Комаровскій) и далъ одному изъ нихъ пощечину, судебная медицина признала (п судъ согласился) дѣяніе невмѣняемымъ, и общество разразилось съ одной стороны апплодисментами, а съ другой—негодованіемъ. Я тогда же записалъ мое недовѣріе къ психіатріи, вторгнувшейся въ чужіе предѣлы. Недовѣріе дошло до опасенія, когда я прочелъ ученныя разсужденія въ „Архивѣ Судебной медицины“, на основаніи которыхъ почти всѣ преступныя дѣянія

подлежали бы оцѣнкѣ психіатровъ. Опасеніе мое обращалось и къ значенію самыхъ заключеній медика, которымъ и прежніе и нынѣшніе законы даютъ такое важное значеніе. Въ Москвѣ, на дняхъ, рѣшено подобное же дѣло о чиновникѣ Никитинѣ, который далъ двѣ пощечины мировому судѣ Скоинну. Экспертъ, профессоръ Соколовъ, призналъ, что Никитинъ дѣйствовалъ въ умоизступленіи, потому что дѣйствовалъ нелогически. Ни присяжные, ни судъ (и совершенно основательно) не приняли въ уваженіе этого заключенія эксперта, и прокуроръ Громницкій вполне опровергъ его, выведя на путь логическихъ дѣйствій человеческой воли. Никитинъ осужденъ къ заключенію въ смирительномъ домѣ на 8 мѣсяцъ съ ограниченіемъ правъ. Съ легкой руки скорыхъ, радикальныхъ реформъ, молодое общество уже не довольствуется оцѣнять событіе по внутренему убѣжденію, по совѣсти; оно хочетъ идти далѣе, оцѣнять данные поступки по указаніямъ и общимъ началамъ науки, и при томъ не только психологій и психіатріи, но логики. Нелогично дѣлать зло, совершать преступленіе: слѣдовательно воля подавлена, и дѣяніе не вмѣняется. Да. Но, Боже мой, чтѣ же въ этомъ сѣрьезнаго и прочнаго?

Сегодня „Судебный Вѣстникъ“ извѣстилъ о рѣшеніи знаменитаго дѣла о подполковникѣ Постовскомъ гражданскимъ департаментомъ Московской Палаты, которому оно было передано по рѣшенію 14 Іюня 1868 г., кассационнымъ департаментомъ. Извѣстіе это привело меня въ большое смущеніе. Я всегда дорожилъ и дорожу гарантиями личности въ подчиненности, въ гражданскихъ сдѣлкахъ и въ печати. Несчастнѣйшій этотъ Постовскій былъ преданъ суду за обманы Московскою палатою и признанный виновнымъ присяжными, осужденъ къ лишенію правъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь. Кассационный департаментъ отмѣнилъ (три) опредѣленія Палаты о преданіи суду, рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда, и передалъ дѣло въ другой департаментъ. Не пыта-ли это? Довести дѣло до публичнаго (всемосковского, я тогда былъ въ Москвѣ) осужденія въ Сибирь и потомъ открыть, что подсудимаго и суду предавать не слѣдовало. Чтѣ же это за гарантіи личности! Другой“ (гражданскій) департаментъ Московской Палаты снова передаетъ его суду на основаніи 2 п. 174 ст. Миров. Уст. (за мошенничество). Въ смущеніи моемъ я обратился къ товарищамъ моимъ: старѣйшему, Беру, къ докладчику 14 Іюня, Стояновскому и къ редактору судебныхъ уставовъ, Зубову. И чтѣ же? Они находятъ послѣднее постановленіе правильнымъ. Ну не пыта-ли это? Положимъ, что этотъ отзывъ поверхностенъ, положимъ, что по новой жалобѣ возстановится рѣшеніе 14 Іюня, но разумѣется, по принятому порядку, послѣ новаго присяжнаго, всемосковскаго осужденія, —положимъ, что самое пресловутое

рѣшеніе это, исполненное самыхъ сбивчивыхъ соображеній, неправильно. Положимъ. Но не пытка-ли это? Какія тутъ гарантіи? Какой залогъ пользы и твердости? И какой исходъ? Какъ это проявится? Подожду. Но не скрою: новый судебный порядокъ, теоретически выработанный, непрактически введенный, не внушаетъ мнѣ довѣрія, и только неопытность и боязненность гр. Ф. Д. Паленыхъ оставляютъ его въ своей силѣ.

Въ Москвѣ, 19 Ноября (день кончины Филарета) протоіерей Ключаревъ говорилъ знаменательное слово о современномъ человѣкѣ и о христіанинѣ. Задача смѣлая, попытка православнаго священника благородная и выборъ дня удачный. Но самый взглядъ на дѣло поверхностный, и разрѣшеніе его текстами, довольно счастливо подобранными, немножко буквально и слабо. Конечно, православный учитель не такъ сильно нападаетъ на современность и духъ времени, какъ Пій IX въ своихъ аллокуціяхъ и силлабусѣ: но и православный тоже нападаетъ, и при томъ суживая понятіе о современности до понятія о модѣ и жгучихъ вопросахъ дня. Есть мѣста одушевленныя и картинныя, но въ цѣломъ вся проповѣдь видимо подъ гнетомъ условныхъ понятій и ученій. Должно сказать, что современность спорить и ссорится не съ догматами Христа (кто не приметъ ихъ? Эту любовь, эту терпимость, это самоотверженіе), а съ церковью, которая вѣками выработала вѣроученіе, вѣроустройство и обрядность въ видахъ не совсѣмъ тождественныхъ съ Христовыми. Виды эти большею частію, корысть и властвованіе, опирающіяся преимущественно на невѣжество народа. Придавать этимъ установленіямъ божественное свойство ученія Христа для современнаго человѣка невозможно, и это смѣшеніе вредитъ прежде всего самой церкви, подрывая довѣріе къ ней и ея авторитетъ, обязательность котораго давно упразднена самимъ временемъ. Когда-то Шатобрианъ пророчилъ еще больше прежняго торжество католицизма при геніальномъ папѣ; предсказывалъ это и Макдле, усматривая особенную живучесть его въ окрѣпшей отъ вѣковъ организаціи. Католицизмъ видимо падаетъ. Я думаю: возбудить и усилить *религіозное чувство и духъ* могъ бы новый Лютеръ.

Съѣздъ іерарховъ и генераль-губернаторовъ предвѣщаетъ новыя коренныя преобразованія. И нельзя сказать: не пора ли остановиться? На склонѣ по пути преобразованій надобно идти до конца, и идти сознательно; иначе скатишься невольно. Устройство церкви и духовенства крайне необходимо. Знаменитые святители, Филаретъ и Сѣмашко, отошли въ вѣчность и упраздненіемъ своихъ авторитетовъ оставили свободнымъ поле преобразованій. Церковь, и при этихъ авторитетахъ, была слишкомъ поглощена государствомъ. Ей необходимо

дать болѣе независимости; но чтобы эта независимость не обратилась въ порабощеніе народа невѣжествомъ, надобно: 1) усилить проповѣдь. 2) уменьшить обрядность, и 3) уничтожить сословность духовенства. Все это сдѣлаютъ, но старый порядокъ такъ глубоко вкоренился, что нововведеніе на долго останется однимъ звономъ. Отъ Иннокентія же я и не ожидаю сочувствія новшествами. Онъ, Алеутъ, скорѣе считаетъ и сочтетъ себя призваннымъ отстаивать старину.

Какія грустныя извѣстія изъ внутреннихъ губерній передавали мнѣ сегодня два предводителя дворянства, если вѣрить! Какъ пагубно объявляется на мѣстѣ такъ назыв. самоуправленіе! Какой раздоръ въ передѣлахъ семействъ, какая нищета въ народѣ, какъ безплодны, вредны заработки на усиленныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ. открывающихъ два безнравственныхъ поприща: спекуляціи и пьянству! Спекуляціи, торгующейся и съ Петербургскими чиновниками (по выше), для обузданія которыхъ понадобилось высоч. утвержденное циркулярное положеніе Комитета Министровъ, и съ представителями земства (по выше), которые входятъ въ сдѣлки съ банкирами и крупными подрядчиками. Пьянство, пожирающее весь заработокъ и проникающее нищетою и порочною въ сельское населеніе, воспитываемое на волѣ самоуправленія. А въ Михайловскомъ театрѣ Деверія поетъ: *Dis moi, o Venus, pour quoi aimes tu à voir cascader notre vertu?* Въ Александринскомъ театрѣ Лядова поетъ: Скажите, о боги, зачѣмъ веселиться, когда наша честь кувыркомъ полетитъ? И театры полны, и театралы подносятъ дорогіе подарки. Въ Петербургѣ роскошь страшная, камелій не оберешься. И денежныя награды и раздача земель и имѣній продолжается. Да, но куда же мы идемъ и куда же мы придемъ?

Кассация меня давитъ. Масса дѣлъ невыносимая, и все напаяливаетъ и все прибываетъ. Теперь, чтобы двинуть накопившуюся массу, рѣшили, чтобы, независимо отъ текущихъ дѣлъ, рассматриваемыхъ въ совѣщательныхъ и открытыхъ засѣданіяхъ, раздать всѣмъ сенаторамъ по 50 дѣлъ, которыя сенаторъ докладываетъ въ открытомъ засѣданіи. по предварительномъ соглашеніи съ оберъ-прокуроромъ. Это какая-то домашняя сдѣлка, паллятивная мѣра, готовая обратиться въ общій для всѣхъ дѣлъ порядокъ и переносица весь центръ тяжести кассационнаго порядка на оберъ-прокурора. Вообще, по моему мнѣнію, опытъ двухъ лѣтъ вовсе не доказалъ, чтобы ручательства правосудія, данныя уставами 20 Ноября 1864 г., огражденіе которыхъ составляетъ все призваніе кассационнаго Сената, были вполнѣ удовлетворительны: скажу болѣе и достаточно опредѣлительны, скажу болѣе, способны къ усвоенію обществомъ, скажу еще болѣе—и точно поняты самимъ верховнымъ судилищемъ, столь мощнымъ и столь обязательнымъ въ

своихъ дискреціонныхъ, произвольныхъ толкованіяхъ! А эти для всѣхъ обязательныя толкованія уже и теперь исполнены противорѣчій. Подобныя учрежденія подрываютъ сами себя. Странно! До сихъ поръ положеніе мое довольно фальшиво: я не только не признаю кассацию достаточною для водворенія правильнаго правосудія, но и не вѣрю въ ея будущность.

Процессъ Вердеревскаго (хлѣбосоль съ братомъ, въ Нижнемъ) поражаетъ своею наглостію, отсутствіемъ всякаго контроля управленія и терпимостію общества, которое не только знало, но пользовалось расхищеніемъ казеннаго имущества. Шиловская-Бѣгичева, дочь Вердеревскаго, привезла адвокату (Дохвицкому) 5 т. р.; но адвокатъ, проболтавъ 2 часа, ничего сдѣлать не могъ, прикрывшись формальностію доказательствъ XV т. давно ни для кого необязательнаго. Кто защитникъ малыхъ? Бюджетъ слишкомъ растетъ отъ расточительности.

Никакъ не могу добиться проповѣдей инспектора Ярославской семинаріи Вас. Орлова, о которыхъ въ газетныхъ объявленіяхъ, въ видѣ рекламы, трубить, съ голоса учебнаго комитета, самъ Святѣйшій Синодъ указомъ всему духовенству. Во всякомъ случаѣ это должно быть замѣчательное сочиненіе. Похвалы синодскаго указа могутъ быть преувеличены, но и убавивъ ихъ, остатокъ долженъ быть замѣчателенъ. Не шутку же придумалъ о. Василій и ученый комитетъ и весь Святѣйшій Синодъ и самъ оберъ-прокуроръ. Но почему такихъ прославленныхъ проповѣдей нѣтъ въ общемъ обращеніи? Удивительно.

Все это время я дурно чувствую себя нравственно и физически. Посѣтили меня Княжевичъ, Замятнинъ и Казначеевъ. Первый между прочимъ, по обыкновенію, передаетъ, какъ перевести: умный тайный совѣтникъ—*conseiller privé d'esprit*, и *bien-être général*—хорошо быть генераломъ. Замятнинъ разсказалъ о своемъ увольненіи, вслѣдствіи дѣла Протопопова-Кошкуня, много нехорошаго разсказалъ о Пинскомъ и Данзасѣ. сидѣлъ очень долго. Старый другъ Казначеевъ повторилъ не разъ: „я отъ работы не прячусь“. Боже мой, какъ люди мельчаютъ! Какіе интересы способны занимать ихъ!

Но вотъ и годъ кончается, годъ тяжелый и, какъ всегда, неясный. На Рейнѣ, на Пруть, на По и Майнѣ событія не подвинулись, но зрѣютъ. Этотъ видимый внѣшній застой не препятствуетъ развитію прогресса внутренняго, и вопросы церковный, рабочій и женскій неустанно требуютъ разрѣшенія и выражаются въ несомнѣнныхъ явленіяхъ жизни. Несомнѣнно мы идемъ впередъ, и самое облегченіе челоуѣчества сближаетъ его съ великимъ ученіемъ будущности, которая сказала Риму: Нѣсмь отъ міра сего. 31 Декабря 1868 г.

(Продолженіе будетъ).